ПРОСВѢТИТЕЛЬНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

ТРОИЦЕ-СЕРГІЕВОЙ ЛАВРЫ

за первые три вѣка ея существованія.

(КРАТКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Н. КЕДРОВЪ.

МОСКВА.
Типографія А. И. Снегиревой. Остоженка, Савеловскій переулокъ, собст. домъ.
1892.

Дозволено Цензурою. Москва., Ноября 29 дня, 1892 года.
Цензоръ Архимандритъ Арсеній.

454
37

Типографія А. И. Снегиревой. Остоженка, Савеловскій пер., соб. домъ.

Изъ книгъ «Чтенія въ Общ. Люб. Дух. Просвѣщенія» за 1892 г.

Просвѣтительная дѣятельность Троице-Сергіевой Лавры за первые три вѣка ея существованія.

(Краткій историческій очеркъ [1]).

Любовію Христовою утвердился еси, Преподобне, и явился еси яко рѣка, обильно всю землю напояя словомъ ученія, богоблаженне Сергіе: тѣмъ же память твою любовію ублажаемъ.

Канонъ святаго п. I. ст. I.

Въ славный день празднованія полутысячелѣтней памяти блаженнаго преставленія богомудраго Чудотворца, родоначальника и отца сѣверно-русскаго монашества, Радонежскаго Игумена Преподобнаго Сергія, когда взоры и сердца сыновъ православной Церкви всего міра естественно устремлены внутрь столпостѣновъ созданной Преподобнымъ обители Живоначальныя Троицы, сколько чувство благоговѣйнаго долга, столько же и живой научный интересъ заставляютъ помянуть ея дни древнія, воскресить въ своей памяти ея историческое прошлое. Вникающимъ умственнымъ взоромъ въ это прошлое не трудно примѣтить—насколько плодотворно было служеніе Троицкой Лавры въ исторіи отечества. Можно сказать, что полутысячелѣтній періодъ исторической жизни Сергіевой Лавры былъ време-

---

[1]) Читанъ авторомъ—(преподавателемъ Московской Духовной Семинаріи Н. И. Кедровымъ) въ торжественномъ Собраніи Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія, бывшемъ, по случаю пятисотлѣтняго юбилея со дня блаженнаго преставленія Препод. Сергія, 27 Сентября 1892 года—въ залѣ засѣданій Общества—въ Епархіальной Библіотекѣ при Высоко-Петровскомъ монастырѣ.

немъ безпрерывнаго, неумолкаемаго и достойнаго ея прославленія. Разгорѣвшаяся яркимъ пламенемъ еще при жизни основателя слава обители Преподобнаго Сергія съ того времени и до настоящихъ дней ежегодно разносится сотнями тысячъ богомольцевъ изъ конца въ конецъ вселенной; а вѣрнымъ звукамъ этой благоговѣйной хвалы, разносимой паломниками, отзываются не менѣе вѣрные звучные клики изъ міра ученаго, давно положившіе славный вѣнецъ на эту обитель, столь много и всесторонне послужившую въ своей прошлой исторической жизни на пользу и прославленіе русской Церкви, государства и общества.

Высокое духовное значеніе обители Преподобнаго Сергія неоднократно свидѣтельствовано было устами какъ русскихъ, такъ даже и просвѣщенныхъ писателей-иностранцевъ. Изъ многочисленныхъ таковыхъ свидѣтельствъ не можемъ не привести здѣсь нѣкоторыхъ, наиболѣе характерныхъ. Еще въ XVII столѣтіи извѣстный издатель житія Преподобнаго Сергія, просвѣщенный инокъ—келарь Троице-Сергіева монастыря Сѵмонъ Азарьинъ въ своемъ предисловіи къ означенному житію пишетъ: „не токмо во единомъ Россійскомъ государствѣ, но и во всѣхъ странахъ земли обносится имя его (Препод. Сергія) и прославляется величайшимъ именованіемъ. И отъ дальнихъ странъ патріархи и митрополиты, архіепископы и епископы, и архимандриты и игумены и честніи старцы, иноки и міряне отъ Азіи и Аѳрикіи и Европы и отъ всея вселенныя и донынѣ приходятъ на поклоненіе къ преподобнымъ мощемъ его и во святей его обители воздающе мольбы и моленія ко Святѣй Троицѣ и Пречистой Богородицѣ и Преподобнаго Сергія на помощь призывающе и праздноваше духовно, такоже и пище Чудотворцеве сопричастницы бывающе, и дары честные пріемлюще и потребная на путь пищу и питіе довольно, отхождаху во свояси радующеся сподобльшеся обитель его видѣти и преподобнымъ мощемъ его поклонитися [1])“ Рано

---

[1]) Предисловіе Троицкаго келаря Сѵмона Азарьина къ сказанію о новоявленныхъ чудесахъ Пр. Сергія. Историч. опис. Свято-Троицк. Сергіев. Лавры. М. 1890 г. стр. 71 и слѣд.

стали свидѣтельствовать о монастырѣ Сергіевомъ, какъ о монастырѣ исключительномъ и особенномъ, посѣщавшіе Москву иностранцы. Едва протекло столѣтіе со времени открытія мощей Преподобнаго Сергія (1422 г.), а уже слава его и его монастыря стала пользоваться извѣстностію далеко за предѣлами отечества. Бывшій тогда въ Россіи чужеземецъ Іоаннъ Фаберъ Стапуленскій, впослѣдствіи епископъ вѣнскій, въ 1520 году написалъ, по просьбѣ Фердинанда короля Римскаго, у котораго былъ въ то время духовникомъ, не лишенную историческаго интереса книгу „О религіи Москвитянъ“. Въ этой книгѣ о Троицкой Лаврѣ и ея основателѣ Фаберъ пишетъ между прочимъ слѣдующее: „Не далеко отъ города Москвы есть весьма обширный монастырь, въ которомъ почти всегда триста братій подвизаются по правиламъ Василія Великаго, и въ которомъ находится гробъ св. Сергія игумена, посѣщаемый приходящими изъ отдаленныхъ мѣстъ, потому что онъ прославился многими чудесами, достойными удивленія христіанъ. Изъ нихъ достаточно упомянуть хотя объ одномъ, наиболѣе славномъ, совершившемся тамъ за нѣсколько лѣтъ предъ симъ: именно двумъ слѣпымъ даровано прозрѣніе. Ибо при жизни своей игуменъ сей отличался такою святостію жизни, что (россіяне) легко убѣдились и вѣруютъ, что молитвами своими много можетъ онъ содѣлать у Бога и пріобрѣсть для людей. Посему къ гробу его часто приходятъ и поклоняются съ великимъ благоговѣніемъ“ [1]). Другой, гораздо больше извѣстный у насъ на Руси—чѣмъ сейчасъ упомянутый Фаберъ, иностранецъ баронъ Герберштейнъ, бывшій въ нашемъ отечествѣ два раза—въ 1517 и въ 1526 годахъ,—въ своихъ запискахъ о Московіи пишетъ о Троицкомъ монастырѣ: „Важнѣйшій монастырь въ Московіи есть монастырь Святыя Троицы, отстоящій къ Западу отъ города Москвы на 12-ть германскихъ миль; говорятъ, что погребенный тамъ святый Сергій творитъ многія чудеса; удивительное стеченіе племенъ и народовъ прославляетъ его; туда ѣздитъ часто самъ князь,

---

1) Чтенія въ Общ. Любит. Духов. Просвѣщ. Сентябрь 1878 г. Матеріалы для Исторіи Русской Церкви 145—146. Срав. Историческое Описаніе Свято-троицкія Сергіевы Лавры—Горскаго. Москва. 1890, ч. II, стр. 4—5.

а народъ стекается ежегодно въ извѣстные дни и питается отъ щедротъ монастыря". Легковѣрный баронъ счелъ нужнымъ присовокупить къ своему сообщенію о Троицкомъ монастырѣ и легенду, которая порождена была молвою о гостепріимствѣ монастыря. „Утверждаютъ, продолжаетъ онъ, что тамъ (у Троицы) есть мѣдный горшокъ, въ которомъ варятся извѣстныя кушанья, и по большей части огородные овощи,—и мало-ли, много-ли народу придетъ въ монастырь, однако пищи всегда остается столько, что монастырскій причтъ можетъ быть сытъ, такъ что никогда нѣтъ ни недостатка, ни излишка" [1]).

А вотъ и еще не лишенный интереса и весьма правдивый отзывъ о значеніи Лавры Сергіевой, высказанный устами просвѣщеннаго иновѣрца, сравнительно въ недавнее наше время. Ученый англичанинъ Стэнли, въ своихъ лекціяхъ по исторіи Восточной Церкви, между прочимъ, такъ выражается о значеніи Лавры Преподобнаго Сергія въ жизни русскаго общества. „Вотъ, говоритъ Стэнли о Лаврѣ, самое сердце національной и религіозной независимости въ періодѣ общаго порабощенія! Подобно Кремлю, она содержитъ въ себѣ самыя разнообразныя учрежденія: монастырь, Академію, дворецъ, церкви, стоящія внутри стѣнъ, которыя своей высотой и толщиной указываютъ на иное, кромѣ религіознаго, предназначеніе этой обители. Сюда со всѣхъ сторонъ и концовъ имперіи стекаются безчисленные богомольцы. Каждая деревня по дорогѣ отъ Москвы отмѣчена какимъ-нибудь историческимъ воспоминаніемъ. Императоръ не бываетъ въ Москвѣ, не посѣтивъ Лавры, не заплативъ дани своего благочестія ея святынѣ. Грозный Иванъ построилъ по крайней мѣрѣ половину ея зданій. Петръ дважды находилъ убѣжище въ ея стѣнахъ. Елизавета и Екатерина II пѣшкомъ ходили сюда изъ Москвы со всѣмъ дворомъ своимъ, не затрудняясь переходомъ болѣе пяти миль въ день съ сосудомъ невской воды для освѣженія. Многіе изъ знаменитыхъ людей настоящаго времени также пѣшкомъ отправляются на поклоненіе Лаврской святынѣ. Лаврская просфора

[1]) Въ переводѣ Анонимова, стр. 68.

служитъ лучшимъ подаркомъ для семейства отъ богомольцевъ, возвратившихся изъ обители..... Здѣсь между прочимъ мы можемъ напомнить себѣ, —продолжаетъ Стэнли, —о нашемъ глубокомъ невѣжествѣ относительно самыхъ знаменитыхъ въ древности личностей Восточной Церкви, и о томъ способѣ, какимъ часто составляется исторія. Наши обыкновенныя западныя исторіи Россіи проходятъ черезъ цѣльный періодъ временъ Сергія Радонежскаго, даже не дѣлая намека на его имя, по крайней мѣрѣ столь же дорогое для каждаго русскаго сердца и столь же извѣстное между Русскими, какъ имя Вильгельма-Теля между Швейцарцами, или Іоанны д'Аркъ между Французами" [1]).

Не можемъ, наконецъ, не привести здѣсь въ высшей степени мѣткой важной характеристики значенія Троице-Сергіевой Лавры въ жизни русскаго общества, высказанной однимъ изъ современныхъ намъ, знаменитыхъ отечественныхъ витій духовныхъ. Въ Бозѣ почивающій архіепископъ Херсонскій Никаноръ такими столь свойственными его философско-ораторскому складу мысли—словами характеризуетъ высокое духовное значеніе въ жизни русскаго народа Сергіевой Лавры и ея основателя. „Преподобный Сергій, пишетъ онъ, уподобилъ и продолжаетъ уподоблять своей духовной природѣ и всѣхъ близко соприкасающихся къ нему людей. Онъ напиталъ своимъ крѣпкимъ духомъ цѣлые сонмы, цѣлыя поколѣнія монашествующихъ. До семидесяти монастырей было основано его учениками и учениками учениковъ его; его духовное потомство было одною изъ главныхъ духовныхъ силъ, содѣйствовавшихъ духовному претворенію разныхъ полуязыческихъ племенъ, раскинутыхъ по пространству средней и сѣверной Россіи въ одно цѣлое великорусское племя, объединенное, одушевленное, скрѣпленное духомъ православія. Будучи самъ высшимъ носителемъ христіанскаго православнаго духа, онъ примѣромъ, назиданіемъ, молитвами своими много содѣйствовалъ и содѣйствуетъ напитанію этимъ духомъ всего православнаго Россійскаго народа,—духомъ, который составляетъ руководительное начало, крѣпость и славу народной русской жизни. Потому-то къ Преподоб-

[1]) Истор. Опис. Тр. Серг. Лавр. ч. II, 5—6 стр.

ному Сергію, какъ къ неизсякаемому роднику крѣпкаго русскаго духа, притекаютъ на поклоненіе, для назиданія, для молитвы и до сегодня многія тысячи народа. Ни одинъ вблизи путешествующій инокъ не минетъ обители Преподобнаго Сергія. Рѣдкій изъ іерарховъ Русской Церкви не припадалъ до праха земного передъ ракою Преподобнаго Сергія. Всѣ до единаго изъ вѣнценосцевъ Россіи приносили у раки Преподобнаго свои молитвы (особенно по вступленіи на царство). Не только члены нашего царствующаго Дома, но и премногіе члены иностранныхъ царственныхъ семействъ приходили туда же,—то помолиться, то изучать русскую жизнь, у самыхъ ея основъ, у того родника, у одного изъ главныхъ родниковъ, изъ которыхъ она бьетъ ключемъ“ [1]).

Выясненіе общаго историческаго значенія Троицкой Лавры, исторія которой, какъ извѣстно, составляетъ комментарій къ нѣкоторымъ главамъ и общей исторіи Россіи, —предметъ обширный по своей сложности. Воспоминая настоящій знаменательный въ исторіи Троице-Сергіевой Лавры — а съ нею и всей Россіи — день среди не многочисленнаго сонма Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія і бытіемъ своимъ, къ слову припомнить, обязаннаго желанію и мысли усерднѣйшаго почитателя и искреннѣйшаго подражателя постническому житію Преподобнаго Сергія — вѣчно-блаженной памяти Московскаго святителя Филарета, — здѣсь умѣстно остановить вниманіе просвѣщенныхъ слушателей только на историческомъ обозрѣніи заслугъ Лавры Сергіевой на пользу просвѣщенія Церкви и отечества и притомъ лишь за первые три вѣка ея прошлой исторической жизни.

Не оставаясь въ пятьсотлѣтній періодъ своей прошлой жизни безучастною къ гражданскимъ, государственнымъ судьбамъ нашего отечества и съ самаго начала своего историческаго бытія всемѣрно содѣйствуя внѣшнему политическому росту государства, а въ извѣстныя трудныя для него годины являясь и прямою его спасительницею, Лавра Преподобнаго Сергія въ то же время менѣе замѣтно, но едва ли не болѣе плодо-

[1]) Странникъ 1883 г. Сентябрь, стр. 30.

творно содѣйствовала внутреннему росту и преуспѣянію отечества въ качествѣ довольно плодоноснаго разсадника просвѣщенія по лицу земли русской. Будучи уже по самой идеѣ своей *высшимъ проявленіемъ* духа христіанскаго, древнерусское монашество еще задолго до основанія обители Преподобнаго Сергія въ предѣлахъ Руси сѣверо-восточной, уже при самомъ началѣ своего возникновенія явилось у насъ съ значеніемъ наивысшаго орудія проявленія грамотности. Монахъ, уже самымъ своимъ положеніемъ и назначеніемъ, своимъ удаленіемъ отъ міра и мірскихъ удовольствій, призывался въ еще непросвѣщенномъ книжною мудростію отечествѣ къ усиленной книжной дѣятельности. Вотъ почему *инокъ и грамотѣй* въ понятіи древне-русскаго человѣка рано получили однозначущее, синонимическое значеніе. „Якоже корабль безъ гвоздій не съставляется, тако и инокъ безъ почитанія книжнаго“, говорили и писали въ древней Руси. Но не судилъ Богъ первому чисто русскому монастырю— Печерскому, основанному на благопріятномъ для развитія просвѣщенія мѣстѣ, съ сонмомъ современныхъ ему монастырей южно-русскихъ, насѣять всю землю русскую „книжными словесами“. Нашествіе всякаго рода кочевниковъ, обагрившее русскую землю русскою кровію, превращавшее села и города, церкви и монастыри въ развалины, — разрушило и Печерскій монастырь. Между тѣмъ, сѣверъ Руси не только не былъ достаточно насѣянъ „книжными словесами“, но и совсѣмъ мало просвѣщенъ былъ Христовой вѣрою. Монастырь Троице-Сергіевъ и выступилъ въ центрѣ Руси въ замѣну монастыря Печерскаго. Такую же любовь къ книгамъ, такую же дѣятельность, тотъ же способъ распространенія просвѣщенія по русской землѣ и монастырямъ русскимъ употреблялъ и этотъ монастырь. Уже основатель и первый его игуменъ, Преподобный Сергій, отличался любовію къ просвѣщенію и книгамъ, хотя и не могъ, по недостатку средствъ на пріобрѣтеніе книгъ въ своей скудной, въ началѣ, обители, возгрѣвать въ себѣ эту любовь. Святая Церковь, ублажая его въ своихъ хвалебныхъ пѣснопѣніяхъ, справедливо говоритъ, что онъ „*явился яко рѣка, обильно всю землю напоя словомъ ученія*“. И помимо сказавшейся

здѣсь столь свойственной нашему церковно-богослужебному языку преувеличенной образности, любовь и расположеніе Преподобнаго Сергія къ книгамъ и просвѣщенію можно подтвердить рядомъ прямыхъ историческихъ свидѣтельствъ. Препод. Іосифъ Волоколамскій пишетъ: „слышахомъ о блаженномъ Сергіѣ, яко толику нищету и нестяжаніе имяше, яже и *самыя книги* не на хартіяхъ писаху, но на берестехъ". Безъ сомнѣнія, пустынная нищенствовавшая обитель Преподобнаго Сергія первымъ дѣломъ имѣла крайнюю нужду въ книгахъ церковно-богослужебныхъ и занималась больше всего ихъ списываніемъ. И дѣйствительно, въ древнѣйшей Лаврскаго книгохранилища (1642 года) описи сохранилась память о нѣсколькихъ драгоцѣнныхъ рукописяхъ отъ временъ Преподобнаго Сергія, изъ которыхъ хранится въ описяхъ лаврской библіотеки нѣсколько заголовковъ до настоящаго времени. Таковы: „два служебника харатьѣ; свертки на деревцѣ Чудотворца Сергія; Евангеліевъ десть на бумагѣ Исаковское Молчальниково; Псалтирь въ полдесть на бумагѣ — письмо Исаака Молчальника". Часть сохранившихся отъ временъ основанія обители рукописей писана въ самой обители, или же онѣ относятся къ болѣе раннему времени; а нѣкоторыя изъ рукописей перенесены изъ Ростова, гдѣ въ то время процвѣтало книжное ученіе въ обители Григорія Богослова и откуда пришелъ къ Преподобному списатель житія его, Епифаній Премудрый. Всѣ онѣ драгоцѣнны для насъ потому, что они бывали въ рукахъ угодника Божія; по нимъ онъ молился, читалъ братіи поученія и самъ поучался въ Словѣ Божіемъ. Таковы на пергаменѣ — Пятокнижіе Моусеево, собраніе нѣкоторыхъ книгъ Ветхаго Завѣта, Паремейникъ, Евангеліе, Поученіе Ефрема Сирина, 16-ть *словъ* св. Григорія Богослова, съ искусною заглавною заставкою изъ перевитыхъ фигуръ съ красками, и съ надписью „*Елисеевой*" — принадлежность Елисея, ученика Преподоб. Сергія, Іоанна Златоуста, Златая цѣпь, два Сборника, Пандекты Никона Черногорца, Мѣрило Праведное. Изъ богослужебныхъ на пергаменѣ замѣчательны: Кондакарь XII в., съ крюковыми нотами, по которымъ пѣли при Препод. Сергіи и Стихирарь, писанный препод. Епифаніемъ, какъ видно изъ его надписи на первой страницѣ.

Изъ рукописей на бумагѣ упомянемъ Потребникъ, по которому тогда постригали иноковъ, и Слова постническіе преподобнаго Исаака Сирина, писанныя при Препод. Сергіѣ въ 1381 году [1]). Таково было, хотя и скудное, книжное богатство монастыря Сергіева при жизни самого Препод. Сергія. Любя самъ книжное занятіе, Преподобный стремился особенною любовію отличать хорошихъ книгописцевъ и любителей книжнаго дѣла. Составитель житія Преподобнаго Сергія, Епифаній Премудрый, свидѣтельствуетъ объ одномъ изъ учениковъ Преподобнаго, Аѳанасіѣ—впослѣдствіи игуменѣ Высотскаго Серпуховскаго монастыря,—что онъ „бѣ въ добродѣтелехъ мужъ чуденъ и въ божественныхъ писаніяхъ вѣло разуменъ и добросписанія многа руки его и до нынѣ свидѣтельствуютъ; и сего ради любимъ бѣ зѣло старцу“ (т. е. Преподобному Сергію). Въ числѣ упоминаемыхъ здѣсь „многихъ добросписаній“, принадлежавшихъ перу преподобнаго Аѳанасія и вращавшихся въ употребленіи какъ въ обители Сергія, такъ и на мѣстѣ позднѣйшаго игуменства Аѳанасія въ Серпуховѣ, — а вѣроятно и по другимъ монастырямъ,—безъ сомнѣнія были уже не однѣ только церковно-богослужебныя книги, какъ равно несомнѣнно, конечно, и то, что преподобный Аѳанасій былъ не единственнымъ подвижникомъ, прилежавшимъ съ такою ревностію „ко многимъ добросписаніямъ“. Въ дѣлѣ книжнаго любомудрія Преподобному Сергію слѣдовали преемники его, всѣ ученики и иноки монастыря его, вышедшіе въ основатели и настоятели другихъ монастырей. Позднѣйшій писатель,—вышеупомянутый нами келарь Троицкаго монастыря Симонъ Азарьинъ,—пишетъ о Преподобномъ Сергіѣ и объ ученикахъ его: „яко солнце сіяше предъ всѣми людьми, и яко лучи отъ солнца ученицы его мнози превосіяша“. Во главѣ особенныхъ любителей и ревнителей просвѣщенія здѣсь прежде всего долженъ быть поставленъ другъ и собесѣдникъ Преподобнаго Сергія, св. Кириллъ Бѣлозерскій. Еще простымъ инокомъ въ Московскомъ Симоновомъ монастырѣ онъ

---

[1]) См. Описаніе славяно-русскихъ рукописей библіотеки Свято-Тр. Серг. Лавры. М. 1878 г. №№ 1, 2, 4, 5, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15; 172, 229.

занимался перепискою книгъ по повелѣнію архимандрита Ѳеодора, а на Бѣлѣ-озерѣ самъ ничего не держалъ въ своей келліи и братіи заповѣдывалъ ничего не держать въ келліяхъ, кромѣ книгъ. Доселѣ хранятся въ монастырѣ его 17-ть книгъ, писанныхъ его рукою. По примѣру этихъ великихъ подвижниковъ и ихъ монастырей, занимались списываніемъ книгъ въ то же время и другіе иноки въ другихъ монастыряхъ, какъ видно изъ приписокъ къ рукописнымъ книгамъ и изъ житій святыхъ подвижниковъ сѣверо-восточныхъ монастырей. Въ самой обители Препод. Сергія его любовь къ книжнымъ занятіямъ унаслѣдовалъ, послѣ его блаженнаго преставленія, ученикъ и преемникъ его по степени игуменства, препод. Никонъ. Онъ имѣлъ, кажется, достаточно средствъ къ тому, чтобы поддерживать въ себѣ любовь къ книжной мудрости, потому что великимъ своимъ учителемъ сперва былъ отданъ „въ наученіе духовное“ къ извѣстному ревнителю „добросписаній“ — игумену Серпуховскаго монастыря Аѳанасію. Принявъ на себя Троицкое игуменство послѣ смерти Преподобнаго Сергія, преподобный Никонъ ревностно заботился уже *объ обогащеніи* обители книгами. И теперь въ лаврской монастырской ризницѣ можно видѣть—Евангеліе препод. Никона, на пергаменѣ, „малой мѣры“, съ надписью на немъ „Евангеліе четвертное, на харатьѣ, Никона чудотворца. А не отдати его никому“. Служебникъ, писанный, можетъ быть, для Препод. Сергія рукою препод. Никона въ 1381 году, на пергаменѣ въ 12-ю долю; и въ библіотекѣ Лавры доселѣ хранятся Никоновскіе „Октоихъ и Тріодь постная—харатейные“. Въ 1418 году „замышленіемъ игумена Никона, а рукою раба Божія Іосифа списана бысть книга святѣй Троицѣ въ Сергіевъ монастырь, рекомая по Еллинѣхъ Діоптра, по насъ же Зерцало“ [1]). Въ то же время и въ средѣ учениковъ преподобнаго Никона, подвизавшихся одновременно съ нимъ въ Троицкой обители, были иноки, отличавшіеся любомудріемъ. Такъ въ 1411 году „помощію Святыя Троицы списася книга ей же наименованіе Лѣствица, на имя священноиноку Матѳею, рукою грубаго и худого,

---

[1]) Ibid. № 190.

страннаго послѣдняго во иноцѣхъ, смѣреннаго многы мы грѣхы Варлаама,“ [1]). На имя того же священноинока Матѳея въ 1414 году, во обители царствѣй Святыя Живоначальныя Троицы въ устроеніи Преподобнаго игумена Сергія при настоятельствѣ препод. игумена Никона рукою другаго многогрѣшнаго инока Антонія, списана была другая книга „Поученія Аввы Дорооея“ и другія статьи аскетическаго содержанія [2]). Но особенно замѣчательна изъ числа сохранившихся отъ времень препод. Никона другая рукопись: „Псалтирь съ послѣдованіями“, писанная около 1428 г. Изобрѣтательность писца въ почеркахъ и художественное выполненіе красками съ золотомъ разныхъ заставокъ—изумительны. Такимъ образомъ уже при самомъ началѣ своего устройства обитель Препод. Сергія становится въ сѣверо-восточной Руси очагомъ любви къ книжной отеческой письменности.

Доброе начало, положенное первыми игуменами Лавры книжному дѣлу, широко разрослось позднѣе. Отъ XV, XVI и XVII вв. идетъ цѣлый рядъ любопытныхъ извѣстій, свидѣтельствующихъ о томъ, какимъ путемъ пріобрѣтались книги, какія книги пріобрѣтались, для какихъ цѣлей и какую онѣ приносили пользу.

Почти при полномъ отсутствіи организованной книжной торговли, при дороговизнѣ книгъ, зависѣвшей отъ цѣнности матеріала и трудности списыванія, первый и главный путь пріобрѣтенія книгъ былъ путь списыванія Троицкими „книгописцами“. Отъ бо́льшей части этихъ списателей сохранились только имена. Въ XV в. написана была красивымъ уставомъ Псалтирь на 267 л. „а сю Псалтирю писалъ старецъ Пахнутіе“ [4]). Въ 1464—68 годахъ написанъ былъ полууставомъ на 320 листахъ Апостолъ, „а писа многогрѣшный Варлаамъ... его и трудъ“ [4]). Или—Патерикъ (азбучный и скитскій въ ¼ на 507 л.) въ лѣто

---

[1]) *Примѣч.* Въ концѣ книги смиренный инокъ приписалъ: „о лѣнивый Варлааме, готовися къ ранамъ. Близъ есть конецъ“.

[2]) Ibid. № 165.

[3]) Опис. славянор. рукоп. Лавр. библ. № 3.

[4]) Ibid. № 79.

1469 г. „писалъ пресвитеръ, рабъ Христовъ, инокъ Паисіе“ [1]). Иногда обозначалось званіе писца. Напримѣръ, на Прологѣ 1429 г. означено: „писалъ (у Троицы) Ефстафіе, мірской человѣкъ, а прозвище ему Шепель“ [2]). Или — „списанъ бысть сей Евангелистъ въ Сергіевѣ монастырѣ въ лѣто 1456, при преподобномъ игуменѣ Вассіанѣ, рукою многогрѣшнаго попа Алексѣя Переяславца“. Рѣдко обозначаются на припискахъ имена спеціальныхъ книгописцевъ: „Сія книга Обиходникъ (крупный уставъ въ листъ 544 л.) написана повелѣніемъ Живоначальныя Троицы Сергіева монастыря архимандрита Андрояна, да келаря старца Авраамія Подлѣсова, да казначея старца Сумона съ братіею... а писалъ сію книгу Обиходникъ книгописецъ Данило Марковъ лѣта 7153 (1645 г.)“ [3]). Большею частію книги были писаны монахами. Въ 1524 году творенія Діонисія Ареопагита писалъ „многогрѣшный и худоумный и непотребный Богу и человѣкамъ черпецъ Веніаминишко, малѣйшій въ единообразныхъ“ [4]). Большая часть книгъ писалась по игуменскому благословенію. Такъ, при игуменѣ Порфиріи, особенномъ любителѣ книгописанія (жилъ въ 1-й четверти XVI в.), писецъ Исаакъ Собака — впослѣдствіи игуменъ Чудова монастыря — написалъ Учительное евангеліе по игуменскому благословенію на 570 л. чистымъ полууставомъ. Въ библіотекѣ Казанскаго университета есть Уставъ подъ названіемъ „Око Церковное“ 1429 года, писанный въ обители Сергіева монастыря..... „повелѣніемъ раба Божія игумена Саввы, рукою смиреннаго инока Іоны“. Въ 1474 г., по благословенію игумена Авраамія, написана была книга „Потребникъ“ (полуустав на 361 л.) рукою непотребнаго въ иноцѣхъ Елисея“ [5]), который писалъ и другія книги [6]).

---

1) Ibid. № 701.

2) Ibid. № 715.

3) Свѣдѣніе о славянск. рукоп., поступившихъ изъ книгохранилища Св. Тр. Серг. Лавры въ библіот. Троиц. Дух. Семин. 1747 г. о. Леонида 1887 г вып. 2-й, стр. 16.

4) Опис. № 123.

5) Ibid. № 224.

6) Ibid. № 759.

Многія книги писались по порученію частныхъ лицъ. „Въ лѣтѣ русскаго царства царя и Государя великаго князя Ивана Васильевича (Грознаго)... совръшена божественноа сіа книга Великій Василіе (соч. Василія Великаго о постничествѣ на 597 л.) Божіимъ пособіемъ и строеніемъ мниха нѣкоего Іоны именемъ, по реклу Зуа (былъ въ монастырѣ іеродіакономъ), тонкости ради възраста, понеже избра себѣ полезна души и успѣшна чтущимъ и бяше тогда отъ Адама лѣто 7064 (1556 г.). Аще кому Богъ благоволитъ дръжати коею виною сію книгу, и онъ бы поминалъ инока Іону, Никиѳора, Мароу, понеже стяжа сію божественную книгу не грабленіемъ, ни лихоимствомъ, ни иною коею виною, еже можетъ совѣсть врѣдити, но съ усиліемъ и въ мнозѣ тщаніи предстахъ алтарю Божію и отъ сихъ ми бяше вся. А писалъ сію книгу многогрѣшный инокъ Исаіа, по реклу Каргополецъ“ [1]). Имъ же написаны и другія книги: второй экземпляръ Василія Великаго о постничествѣ на 413 л. [2]), часть Псалтири съ возслѣдованіемъ 1543 г. на 513 л. [3]), и часть Сборника на 360 л. Или: „въ лѣто 1558 въ царствованіе... Ивана Васильевича повелѣніемъ келаря Андреяна Ангелова написана сія бысть книга Сборникъ рукою многогрѣшнаго Фирсишки“ [4]). Четвероевангеліе (1472 г.) „повелѣніемъ старца Ѳеогноста написалъ дьякъ... Ереміа“ [5]). Знаменитому келарю Троицкой Лавры Авраамію Палицыну въ 1611 году слуга Троице-Сергіева монастыря Иванъ Басовъ написалъ чистымъ полууставомъ на 500 л. въ большую четверть Часословъ [6]) и Псалтирь съ возслѣдованіемъ въ четверть листа, полууставомъ, на 122 тетрадяхъ (по 8 л. въ каждой), хранящуюся нынѣ въ библіотекѣ М. Д. Академіи (по описи о. арх. Леонида № 8, 313 стр.). Въ 1445 году писана была книга „Сборникъ“ рукою многогрѣшнаго, малѣйшаго въ единообразныхъ и въ грѣшницахъ перваго и

1) Ibid. № 133.
2) Ibid. № 134.
3) Ibid. № 316.
4) Четьи-Минеи № 8-й и 9-й по описи академической библіотеки.
5) Ibid. № 66.
6) Ibid. № 353.

непотребнаго въ братствѣ и неключимаго ни въ каковойждо добродѣтели... священноиноика Макарьвица, а писалъ есть сей Сборникъ Паисію старцю Сергіева монастыря“ [1]). Иногда просто означалось—кому писалась книга: „Господину и отцу киръ Никону метаніе отъ Назара“ (Сборникъ XIV в.) [2]). Много книгъ было писано при игуменѣ Памвѣ († 1520 г.) [3]). Въ 1514 году, на Минеѣ служебной какой-то писецъ писалъ: „о Отцѣ и Сынѣ и Дусѣ Святѣмъ упованіе по вѣрѣ имѣя, коснухся трудолюбне книге сея, еже есть мѣсяцъ Іюнь; насъ же хотѣніе желаніемъ распали къ таковой купли труда, аще и хитрѣ сію написавъ за грубость нашу, но обаче трудолюбно края достигохъ... по блогословенію игумена Памвы [4]). Нѣкоторые архимандриты Лавры и сами писали книги. Въ лѣто 1677... „написася сія книга, житія иже во святыхъ отца нашего Сераніона архіепископа Новгородскаго и преподобнаго отца нашего Стефана, иже на Махрищи, въ дому Живоначальныя Троицы убогимъ архимандритомъ Викентіемъ“ [5]). Много книгъ писалось при игуменѣ Сераніонѣ, бывшемъ потомъ архіепископомъ въ Новгородѣ [6]). Едва ли не полнымъ развитіемъ троицкаго книгописанія было время Преподобнаго Діонисія — первая половина XVII в. Въ это время жилъ знаменитый въ Троицкихъ лѣтописяхъ книгописецъ Германъ Тулуповъ [7]), послѣ котораго осталось письма его руки до 20-ти №№ рукописей [8]). Онъ былъ учителемъ Преподобнаго Діонисія и умеръ въ 1637 г., переживъ четырьмя годами своего ученика (Діонисій умеръ въ 1633 году). Онъ писалъ въ преклонныхъ лѣтахъ (1624—1633 гг.), отличался слабымъ зрѣніемъ; поэтому далеко не вездѣ соблюдалъ точность, что видно изъ

---

1) Ibid. № 747.
2) Ibid. № 744.
3) Ibid. №№ 568, 597 и др.
4) Ibid. № 568.
5) Ibid. № 637.
6) Ibid.. №№ 368, 369, 609, 712.
7) *Примѣч.* Тулуповы казнены во время опричнины. Сказаніе кн. Курбск. Устряловъ, С.-Петерб. 1842 г. 430—31 стр.
8) №№: 303, 514, 545, 628, 665, 668, 671—677, 679, 681, 694, 696, 699, 727.

того, между прочимъ, что нѣкоторыя его рукописи исправлялъ Препод. Діонисій [1]). Сколько всего имъ переписано — неизвѣстно. Сохранилось рукописей его письма до 7738 листовъ, большею частію Четьихъ-Миней и житій святыхъ, писанныхъ полууставомъ. Почти въ каждой рукописи Германъ дѣлаетъ слѣдующее послѣсловіе, объясняющее мотивы его трудолюбія: „Изволеніемъ Бога и Отца и соспѣшеніемъ Единороднаго Сына его и совершеніемъ Святаго Духа написана бысть сія святая книга мѣсяцъ Сентябрь Четья, словеса праздничныя и житія и мученія святыхъ, въ дому пресвятыя и Живоначальныя Троицы и великихъ чудотворцевъ преподобныхъ отецъ, Сергіа и Никона иже въ Маковцы Радонежскомъ при державѣ христіаномъ государя Михаила Осодоровича и при Филаретѣ патріархѣ... повелѣніемъ и благословеніемъ тояже обители господина архимандрита Діонисія и при келарѣ старцѣ Александрѣ и при казначеѣ старцѣ Пафнотіѣ соловецкихъ з' братіею. А писалъ сію св. книгу многогрѣшный чернецъ Германъ Тулуповъ стариченинъ въ лѣто отъ созданія міра 7136 (1627 г.) сентября 12 день, индикта 11, по отцѣ своемъ инокѣ Іонѣ и матери Маріи и по инокинѣ Акилинѣ, и по инокинѣ Анисіи, и по діаконѣ инокѣ Серапіонѣ, и по Козьмѣ и по своей душѣ и по всѣхъ своихъ родителѣхъ. Вы же, о Христе отцы и братіе, аще что видите кое погрѣшеніе, и вы Господа ради собою исправляйте, а меня грѣшнаго не клените, и въ томъ Господа ради простите и во святыхъ своихъ молитвахъ поминайте, а Васъ Господь Богъ и проститъ и помянетъ въ царствіи небеснѣмъ" [2]). Много и другихъ книгъ написано было въ Лаврѣ при архимандритѣ Діонисіѣ и келарѣ Авраміѣ Палицынѣ (напр. каноны пресв. Троицѣ [3]), что подтверждается свидѣтельствомъ Діонисіева житія, гласящимъ, что у Преподобнаго по келліямъ были „писцы добрые".

---

1) См. нар. рукоп. № 699-й.
2) Ibid. № 655.
3) Ibid. № 24 срав. Академ. Опис. вып. 2-й, № 4-й.

Изъ этихъ и множества другихъ подобныхъ свидѣтельствъ мы видимъ, что у Троицы писались книги всякими лицами— отъ игумена и архимандрита до простого монастырскаго служки. Писались книги по разнымъ побужденіямъ, большею частію по иниціативѣ настоятелей и всего освященнаго собора. Для игумена Сергіева монастыря Зиновія не только списывали, но, кажется, переводили книги на Востокѣ [1]). Лично переписчики смотрѣли на дѣло списыванія книгъ, какъ на дѣло богоугодное, какъ на добродѣтель, какъ на дѣло, искупающее грѣхи не только переписчика, но и его сродниковъ. Въ тишинѣ своихъ келлій, подъ мирнымъ кровомъ обители Преподобнаго, безмолвный любитель книжной грамотности, трудясь надъ списываніемъ книгъ, въ то же время трудился для спасенія своей души, находилъ въ этомъ подвигѣ нравственное очищеніе. „Поющимъ же сія каноны и послушающимъ поемаго молю, да Господа ради помолятся о мнѣ, да азъ помилованъ буду отъ Господа Бога, понеже не мало потрудихся въ сихъ..... хотя милость пріяти отъ Господа нашего І. Христа“ [2]). Иногда писались книги по обѣщанію, въ благодарность за милости Преподобнаго. „Сей великій Кругъ Миротворный (XVI в.) алфу святой Пасхи христіаномъ на 532 лѣта въ пречестную, славную и великую обитель пресвятыя Живоначальныя Троицы..... многогрѣшный попъ Агафонище (Новгородскаго Софійскаго собора), грѣшною и непотребною своею рукою писавый по обѣщанію, еже обѣщахся Пресвятѣй Живоначальнѣй Троицѣ и преподобному Сергію Чудотворцу. Прилучившумися въ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ и бывшу ми въ обители Сергія радонежскаго въ лѣто 1538 Мая 12-го въ недѣлю 4-ю по Пасцѣ, вельми больну ми сущу внутренными и сердечною болѣзнію зѣло изнемогающу. Стоящу ми въ церкви Пресвятѣй Троицы у гроба.... Препод. Сергія, нача молитися.... угоднику.... чтобы ми даровалъ животъ на покаяніе; и въ томъ часѣ обѣщахся св. Троицы въ честный и славный ея храмъ и на честный и цѣлебоносный гробъ.... Сергія Чудо-

---

1) Ibid №№ 190, 669, 746.

2) Ibid. № 281.

творца, написавъ грѣшною своею рукою, положихъ сей кругъ великій Миротворный св. Пасхи Христовы.... И тамъ дохъ изъ обители.... здравъ, хваля и прославляя Бога.... и пріѣхавъ въ великій Новгородъ къ св. Софіи Премудрости Божіей.... съ благодареніемъ и сердечною любовію распаляемъ къ Пресвятѣй Троицѣ и Чудотворцу Сергію, написахъ сей кругъ великій Миротворный“ [1]). Разумѣя списываніе книгъ какъ дѣло святое, Троицкіе книгописцы, какъ и вообще въ старину, съ особеннымъ тщаніемъ относились къ нему и просили простить всѣ ихъ недописки и обмолвки. „Отцы и братіе, оже ся гдѣ будемъ описали или переписали, или недописали, чтите исправливая Бога дѣля, а не клените, занеже книги ветшаны, а умъ молодъ, не дошелъ“. Или—„вы же, о Христе отцы и братія, аще что видите кое погрѣшеніе, и вы, Господа ради, собою исправляйте, а меня грѣшнаго не клените, и въ томъ, Господа ради, простите, и во святыхъ своихъ молитвахъ поминайте, а васъ Господь Богъ проститъ и помянетъ во царствіи небесномъ“ [2]). Трудный подвигъ списыванія требовалъ конечно большой затраты времени и силъ; случалось, что книга писалась по цѣлому году, иногда нѣсколькими писцами. „Въ лѣто 1497 г. мѣсяца Сентября въ 10-й день при благовѣрномъ великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ всея Руси.... въ царской обители святыя и Живоначальныя Троицы повелѣніемъ духовнаго настоятеля господина игумена Серапіона начата бысть сія книга писати Сборникъ (св. Іоанна Златоустаго и другихъ поученія) [3]), а кончена сія книга лѣта 1499 года мѣсяца Августа въ 31-й день....., а писана бысть сія книга сборникъ рукою многогрѣшнаго, худѣйшаго раба Божія Кости дьячишки, Дмитріева сына“. Книга написана на 494 л. Отсюда видно, что она писалась цѣлый годъ. Этою трудностью письма объясняется и то, что книга писалась за разъ нѣсколькими лицами. Въ Лаврской библіотекѣ находятся поученія св. Іоанна Златоу-

---

1) Ibid. № 736.
2) Ibid. № 665.
3) Ibid. № 17.

стаго (начала XV в.), гдѣ на листѣ 60-мъ находится приписка „грѣшный Ефремъ отселѣ начахъ святую книгу“ [1]). Въ Собраніи Большакова есть рукопись „Слѣдованная Псалтирь“, въ оглавленіи которой помѣщена надпись: „лѣта 7060 написана бысть сія книга, глаголемая Псалтирь, въ святѣй и великой обители Живоначальныя Троицы и преподобныхъ великихъ Чудотворцевъ Сергія и Никона сія Псалтырь троицкаго грѣшнаго черньца Андріана Ангелова, а писалъ ее инокъ Іона, да самъ Андреянъ, да священноинокъ Іякимъ“. Отъ епископа Ростовскаго Кирилла I-го (1216—1230 г.) сохранилось въ Троицкой библіотекѣ житіе св. Ипфонта, написанное въ 1219 году, на которомъ находимъ слѣдующую любопытную приписку: „Господи помози рабомъ своимъ Іоанну и Олексію нацисавшима книга сіа“ [2]). Насколько писцы затруднялись своимъ дѣломъ—видно изъ многочисленныхъ приписокъ на ихъ трудахъ, въ которыхъ они выражаютъ свою радость по поводу окончанія переписки. Въ 1548 году написанъ былъ Октоихъ на 316 листахъ; переписчикъ его, „рабъ Божій Осдоръ“ замѣчаетъ: „сколь радъ кормщикъ, пришедъ къ пристанищу, и сколь радъ заяць отъ тенета убѣжавъ и отъ многихъ псовъ отъ напрасныя смерти, столь радъ дьякъ, списавши сію книгу. Слава свершителю Богу, свершившему сіе дѣло, слава во вѣки аминь“ [3]). Или: „радъ бысть заяць избѣгъ отъ тенета, тако и сей писецъ, окончивъ послѣднюю строку“. (Минея служебная XV в. на 201 л. въ 4-ю долю) [4]). Иногда: „докса ти о Теосъ“ [5]); наконецъ: „Господи помози рабу своему, дай Богъ ему гораздо писати, рука бы ему крѣпъка“ (Поученія св. Ефрема Сирина XIII в.) [6]). Была ли переписка книгъ въ Троицкомъ монастырѣ дѣломъ организованнымъ—сказать трудно. По крайней мѣрѣ относительно времени Діонисія, у котораго по келліямъ сидѣли

[1]) Ibid. № 145.
[2]) Ibid. № 35.
[3]) Ibid. № 371.
[4]) Ibid. № 523.
[5]) Ibid. № 10.
[6]) Ibid. № 7.

„писцы добрые“, съ нѣкоторою вѣроятностію можно утверждать, что дѣло переписки было поставлено при немъ на правильную почву. Извѣстно, что и самъ онъ исправлялъ переписываемое Германомъ Тулуповымъ и заставлялъ другихъ писать книги. Относительно же позднѣйшаго времени мы положительно знаемъ что, напр. келарь Арсеній Сухановъ († 1668 г.) руководилъ Троицкими книгописцами, дѣлая замѣчанія имъ, какія статьи писать и откуда [1]). Неизвѣстно также—было ли правильно устроено и дѣло переплета книгъ, хотя при архимандритѣ Діонисіѣ упоминаются переплетчики, напримѣръ, Троицкій конархистъ старецъ Исаія Коломенинъ переплеталъ церковный уставъ XVI в. [2]). Вѣрнѣе думать, что вмѣсто всякаго плана, который руководилъ бы писцами, отдѣльныя личности, главнымъ образомъ настоятели монастыря, въ силу потребности въ церковно-богослужебныхъ книгахъ, частію по любви къ просвѣщенію, развивали книгописаніе. Стиль этого книгописанія зависѣлъ отъ сложившейся вѣками традиціи; уставное и полууставное письмо, приближающееся иногда къ печатному, преобладало. Строгій ритмъ каллиграфіи здѣсь стѣснялъ всякую изобрѣтательность, которая вмѣсто того выражалась въ творчествѣ красками, золотомъ, киноварью красивыхъ заставокъ, заглавныхъ буквъ, такъ называемыхъ миніатюръ, часто поражающихъ прекраснѣйшею работою, изяществомъ вкуса какъ въ цѣломъ, такъ и въ отдѣльныхъ частяхъ. Отсутствіемъ правильнаго руководства и плана, который лежалъ бы въ дѣлѣ списыванія книгъ, и объясняется, думаемъ, главнымъ образомъ, то, что въ нѣкоторыхъ рукописяхъ, какъ замѣтилъ еще митрополитъ Платонъ въ 1807 г., „есть нѣчто чтенія достойно, но весьма сожалительно, что всѣ почти книги рукописныя писаны съ великими описками безъ всякаго орфографіи наблюденія и потому маловразумительны и отъ чтенія отвлекаютъ“ [3]). Случалось, къ счастію рѣдко, что нѣкоторыя рукописи писались самыми грубыми невѣждами, которые вовсе не понима-

---

[1]) Ibid. № 756.
[2]) Ibid. № 244.
[3]) Рукодисн. Сборн. Академ. библіот. № 26.

ли, что писали, а копировали буквы, не всегда разбирая ихъ (напр. Меѳодія Патарскаго полууставъ XVII в.) [1]). Кромѣ списыванія, книги пріобрѣтались въ Лаврѣ и покупкою. Въ старину существовали особыя лица, которыя торговали книгами. „Продалъ сію книгу (Стихирарь XVII в.) попъ Сѵмеонъ, Матвѣевъ сынъ, что книгами торгуетъ“ [2]). При недостаткѣ книгъ, книги перепродавались и переходили изъ рукъ въ руки. Книгу Василія Великаго о постничествѣ „продалъ попъ Сѵмеонъ Николска Ивану Кирьякову, сыну протопопову“ [3]). Раньше, въ 1595 году, продалъ эту книгу Василія Великаго „язъ Яковъ Ѳедоровъ сынъ, а прозвище Жюкъ, старцу Арсенію, подъякъ патріарховъ; и хто за ту книгу поймается и мнѣ патріархову подъяку Якову Ѳедорову и мнѣ та книга очиснать во всякихъ дѣлѣхъ старца Арсенья, убытка недоставитъ, а подписалъ язъ Яковъ самъ своею рукою“. Книга Адріатисъ I. Златоустаго, писанная въ 1597 г., спачала принадлежала торговому человѣку „Московскому жильцу съ Никольскіе улицы Ивану Амбросіову“, потомъ попала къ „подъячему Агаѳонику Тимоѳѣевичу“, племянникъ котораго „Гришка Онисимовъ“, по приказу дяди своего, продалъ ее въ 1640 г. Она была продана „Олексѣю Иванову, сыну Суворову“. Наконецъ книга попала извѣстному Троицкому келарю Сѵмону Азарьину, которымъ она и была пожертвована въ Троицкій монастырь“ [4]). На очень многихъ книгахъ Лаврской библіотеки находатся приписки, свидѣтельствующія о пріобрѣтеніи этихъ книгъ путемъ купли. Напримѣръ, „продалъ сію книгу (Апостолъ XV в.) нѣкто „Мотсей“ [5]). Книга „16-ть пророковъ толковыя Ивана Титова сына Дѣдкова“. „Сію книгу продалъ Ондрей Ивановъ сыну Дѣдкову старцу Геронтію Салтыкову, а подписалъ я Ондрей своею рукою„ [6]). „Продалъ сію Псал-

[1]) Описаніе Лавр. б. № 4.

[2]) Ibid. № 430. Сравн. Стоглавъ гл. 28.

[3]) Ibid. № 132 *примѣч.* въ монашествѣ Іоасафъ, уставщикъ и библіотекарь †1644 г.

[4]) Ibid. № 151.

[5]) Ibid. № 80.

[6]) Ibid. № 89. *Примѣч.* Подъячій казеннаго приказа, упоминаемый въ Дополн. къ Акт. Историч. т. II, 184 стр. и Рус. Ист. Библ. т. IX стр. 7 и др.

тирь (XVI в.) Фелофей клирошанинъ діакону Филимону“ [1]). Объ этомъ способѣ пріобрѣтенія книгъ свидѣтельствуютъ и приписки, обозначающія цѣну книгъ. „Сія благоглаголемая книга тріодь постная, а цѣна два рубля, четыре гривны и двѣ деньги безъ полушки,“(средины XVI в. въ 4-ку на 585 л.)[2]). Особенно любилъ обозначать цѣну на книгахъ Арсеній Сухановъ и притомъ латинскими литерами. „Cniga (Меѳодія Патарскаго, полуставъ XVII в.) archidiacona Arsenia stala 3 rubli 27-4“. Или: „св. Іоанна Дамаскина (XVII в.) Cniga archidiacona Arsenia stala sebie 3 rubli 10 a. 4 d.“ [3]). Иногда просто обозначалась цѣна пріобрѣтенной книги: „За сію книгу (Устав. церковный начала XVII в. въ 8-ку на 233 л.) дано полтора рубля“ [4]). Изъ свидѣтельствъ не видно, чтобы самъ монастырь, какъ учрежденіе, пріобрѣталъ книги. Обыкновенно покупало частное лицо, которое потомъ и отдавало книгу въ монастырь.

Этимъ путемъ, т. е. путемъ вкладовъ главнымъ образомъ по душѣ, на поминъ родителей и родственниковъ, книги Лаврской библіотеки болѣе всего пріобрѣтались. Эти книжные вклады дѣлали и цари, и князья, и митрополиты, и епископы, и простые міряне. Въ Троицкой ризницѣ хранятся: Евангеліе 1343 г. великаго князя Сумеона Ивановича, данное въ благодарность за счастливое окончаніе путешествія въ Орду въ то время, когда еще Препод. Сергій подвизался въ типи уединенія; Евангеліе царя Ѳеодора Алексѣевича, пожалованное имъ боярину Богдану Матвѣевичу Хитрово, а имъ переданное въ Троицкій монастырь; рукописный текстъ Евангелія можетъ быть отнесенъ къ XIV—XV вв.; Евангеліе 1632 г. царя Михаила Ѳеодоровича Романова; Псалтирь царя Ивана Васильевича Грознаго [5]). Въ Библіотекѣ Лаврской находится Псалтирь, въ 1600 г. данная Борисомъ Годуновымъ [6]). „Въ лѣто 1501 далъ Сумонъ митрополитъ Апо-

1) Ibid. № 342.
2) Ibid. № 391.
3) Ibid. № 22.
4) Ibid. № 247.
5) Историч. Описан. Тр. Лавры. Москва. 1890 г. стр. 38—42.
6) Опис. рукоп. по о. Леониду, ч. II, № 2.

столъ Толковый въ домъ Живоначальныя Троицы игумену Серапіону съ братіею“ [1]). Сборникъ XV вѣка полученъ отъ великаго князя Ивана Васильевича [2]). Миней (XVI в.) княгини Антониды Хворостининой († 1617 г.) [3]). Въ Троицкой библіотекѣ очень много книгъ съ надписью: „Княгини Суцкіе“; Трефологъ русскимъ святымъ (XVI в.) „княгини Хохолковой“ [4]). Книгу Григорія Богослова (XVI в.), 16 словъ, далъ „князь Д. М. Пожарскій“. Книга пользовалась особеннымъ уваженіемъ, судя по надписи: „чтуть на Свѣтлое Воскресенье“ [5]). Діонисія Ареопагита творенія и Апокалипсисъ Толковый (XV—XVI вв.) „положилъ въ домъ Живоначальныя Троицы Николы Гоступского протопопъ Михайлище по своей души и по своихъ родителѣхъ“ [6]). Въ 1627 г „далъ вкладу съ Москвы Конюшенныя слободы, Власьевской священникъ Юрій Ивановъ, сынъ Тулубовъ—книгу Стихирарь въ полдесть въ цѣну за 9 рублей, да Евангеліе Толковое печатное въ десть въ цѣну за 3 рубля“ [7]). „Далъ сію книгу св. Ефрема Сирина (XVI в.) въ обитель Живоначальныя Троицы священно-инокъ Меркурій по своей душѣ“ (съ 1562—66 гг. архимандритъ Лавры) [8]). „Лѣта 1594 Апрѣля 1-го далъ сію книгу Евангеліе Толковое воскресное въ домъ Живоначальныя Троицы и Пречистыя Богородицѣ и преподобнымъ Чудотворцемъ Сергію и Никону старецъ Анисимъ, Григорьевъ сынъ, по своей душѣ и по своихъ родителѣхъ при архимандритѣ Кириллѣ и при келарѣ старцѣ Исидорѣ, и при уставщикѣ старцѣ Филаретѣ. Вы бы пожаловали сію святую книгу прочитали и отъ святыя сея обители не отдали, не продали; а кто сію книгу дерзнетъ отъ св. сея обители отдати, или продати, да судится со мною на второмъ пришествіи предъ Господомъ нашимъ I.

---

[1]) № 10—по опис. о. Леонида.
[2]) Ibid. № 766.
[3]) № 505 Опис. Лаврск. Библ. рукоп.
[4]) Ibid. №№ 618, 619.
[5]) Ibid. № 137.
[6]) Ibid. № 2.
[7]) Ibid. стр. 146.
[8]) Опис. рукоп. Акад. библіотеки №№ 8, 9

Христомъ“ [1]). „Псалтирь (XVI в.) по старцѣ Сумонѣ..... говорити ее по всякъ день, а душу его поминати“ [2]). „Апостолъ (XVI в.) Іоны, діакона Зуя, а по моемъ животѣ въ домъ Живоначальныя Троицы Сергіева монастыря“. Въ 1567 г. „Минею Служебную далъ Василій Юрьевъ—портной мастеръ“ [3]). „Сія книга Псалтирь Марка Матвѣева сына Конытова“, который былъ монастырскимъ служкою въ 1627 г. Въ XV в. „далъ книгу, глаголомую Козмы Индикоплова вкладу въ домъ Живоначальныя Троицы.....будущаго ради покоя Троицкой крестьянинъ Фома Лукьяновъ съ Москвы, съ троицкаго загороднаго двора и потписалъ своею рукою“ [4])—книгу весьма рѣдкой замѣчательности по рисункамъ. Иногда книга давалась съ опредѣленною цѣлію, напр. съ цѣлію исцѣленія отъ недуговъ. Троицкій служка Ондрей Ивановъ въ 1634 году положилъ въ Троицкій Тутонскій монастырь, написанную еще въ 1513 году, Минею служебную „преподобному Ксенофонту, Тверскому Чудотворцу, иже имать отъ Господа благодать цѣлити различные недуги, паче же зубную“ [5]). Остававшіяся по смерти монаховъ книги причислялись къ казеннымъ. Послѣ ризничаго діакона Маркелла осталась Кормчая XVI в. и Каноникъ [6]). Сохранилась Лѣствица „старца Сергія“ [7]); Крюковой Сборникъ XVII в. послѣ смерти Іоасафа Кирьякова (уставщикъ и библіотекарь Сергіева манастыря) „взятъ въ казну“ [8]). Послѣ нѣкоторыхъ лицъ поступали въ составъ монастырской цѣлыя библіотеки. Послѣ сейчасъ упомянутаго Іоасафа поступило 12 книгъ (№№: 132, 140, 153, 193, 248, 252, 336, 449, 456, 528, 632, 790); Іоасафа Скрипицына, митрополита Всероссійскаго (умеръ у Троицы 1555 г.) 24 книги [9]) (№№ 75, 81, 94, 95, 98, 101, 131, 160,

[1]) Ibid. № 104.
[2]) Ibid. № 52.
[3]) Ibid. № 468.
[4]) Ibid. Отд. VIII, Смѣсь, № 2.
[5]) Ibid. № 517.
[6]) Ibid. № 267.
[7]) Ibid. № 158.
[8]) Ibid № 449.
[9]) По Историч. описанію Лавры 29 №№ (стр. 184).

165, 210—212, 322, 499, 612, 684, 713, 783, 11 и по описи о. Леонида [1]) № 19, № 1—5); келаря Сумона Азарьина 41 №. (Именно №№: 6, 37, 62, 70, 151, 195, 354, 379, 383, 430, 445, 634, 689, 697, 709, 714, 810—812 и по описи о. Леонида №№: 17, 28, 34; часть II №№ 2, 5, 12, 26, 30, 6, 9, 11, 13, 16, 18, 24, 25, 27, 29, 30, 37, 8, 3). Послѣ Ефстафія Головкина—Троицкаго келаря 19 №№: (—84, 266, 470, 471, 484, 488, 494, 497, 519, 520, 526, 536, 547, 550, 559, 567, 569, 580, 622); Библіотекаря Іоакима 4 № (48, 268, 326, 757); *слуги* Троице Сергіева монастыря Ондрея Иванова Старичинина 6 № (123, 399, 465, 496, 505, 507); справщика Арсенія Глухого 3 № (132, 281, 283,); игумена Памвы Мошнина 5 № (313, 467, 518, 548, 591); Серапіона I-го, бывшаго Троицкаго игумена, потомъ Новгородскаго архіепископа, 5 №№ (44, 175, 647, 749) (по описи о. Леонида 10 №№;) архіепископа Новгородскаго Серапіона Курцева († 1553 г.) 5 №№ (364, 412, 472, 447 и по описи о. Леонида № 17.) [2]); княгини Суцкой 9 №№ (186, 552, 572, 581, 603, 621, 654, 771, 789); старца Сумона Шубина (былъ келарь Троицкаго монастыря † 1551 г.) 4 №№ (52, 321, 387, 778); архимандрита Діонисія 21 № [3]); келаря Авраамія Палицына 5 №№ [4]);—Поступали книги изъ другихъ монастырей. Такъ 22 №№ поступило изъ монастыря Киржацкаго (именно №№: 34, 102, 119, 126, 155, 181, 191, 194, 229, 260, 386, 534, 578, 607, 629, 640, 683, 687, 690, 702, 815, 816); Стромынскаго 4 № (219, 227, 239, 724); Хотькова 5 №№ (492, 536, 547, 559, 765) и другихъ. Отказывали Троицкому монастырю книги иноки другихъ монастырей. Адріатисъ XVII в. поступилъ отъ старца Евфимія, бывшаго келаря Чудова монастыря [5]); Іоанна Лѣствичника и Ефрема Сирина далъ „инокъ Герасимъ Замытскій изъ Кирилло-

---

[1]) Часть II, отд. V-е.
[2]) По Историч. Опис. Лавры 12 №№, стр. 184.
[3]) Ibid.
[4]) Опис. Лавр. рукоп. № 152.
[5]) Ibid.

ва монастыря въ домъ святыя Живоначальныя Троицы“ [1]). Служебникъ 1620 г. „Елисея, попа Омельянова, сына Вешнякова, Пафнутіевскаго постриженника, чернаго попа“ [2]). Много книгъ въ монастырь поступало неизвѣстно какимъ путемъ, случайно, о чемъ свидѣтельствуютъ слѣдующія приписки: „села Флоровскаго“ (Минея Общая XVII в.) [3]), или „съ Троицкаго подворья“ [4]). Жилъ у Троицы Ростовскій владыка Никандръ († 1567 г.) и оставилъ здѣсь послѣ себя книгу Василія Великаго „О постничествѣ“ [5]). Служебная Минея 1501 г. писалась въ Ростовѣ, а привезена въ монастырь „съ Москвы“ [6]) или „съ Аѳоніевы пустыни“ (Дмитровскаго уѣзда Москов. губерніи) [7]). „Сея книга Псалтирь (съ возслѣдованіемъ, XV в.) благословилъ язъ, священникъ Елисей внука своево маминкова Елизарія Мартинова, сына діакона, ему учитися, а меня поминати“ [8]). Псалтирь XVI в. „Кириллы митрополита Ростовского“ (былъ съ 1594—1605 г. архимандритомъ Лавры) [9]). Стихирарь XVI в. „владыки Досиѳѣя Сарьскаго и Подонского († 1544 г.)“. „Сея богодохновенная книга (разные чины церков. богослужеб. XVII в.) Спаса Новаго монастыря архимандрита Іосифа“ [10]). Сборникъ (XVII в.) „Борисоглѣбскаго монастыря, что въ Дмитровѣ на посадѣ“ [11]). „Сея книга (Сборникъ XVI в.) Ивана Постникова, сына Панова, что нѣтъ дѣла никому до нея, благословилъ его дѣдушка Сильверстъ лѣта 1568 г.“ [12]). Патерикъ Скитскій (XIV в.) „Махрищская“ [13]). „Сея книга Златая Чепь (XIV в.) „Афонасія Горина“ [14]).

---

1) Ibid. № 162.
2) Ibid. № 220.
3) Ibid. № 462.
4) Ibid. № 491.
5) Ibid. № 10.
6) Ibid. № 482.
7) Ibid. № 275.
8) Ibid. № 312.
9) № 328 и по Акад. опис. № 30.
10) Ibid. № 74.
11) Ibid. № 808.
12) Ibid. № 791.
13) Ibid. № 703.
14) Ibid. № 11.

Такъ пріобрѣтая книги указанными путями, Троицкая Лавра образовала у себя „многобогатную божественныхъ писаній книгохранительницу“. Эта книгохранительница, книгохранильня, книгохранилка, какъ она иначе называлась, какъ учрежденіе восходитъ своимъ основаніемъ къ XVI в. Въ старину книги были очень цѣнны. Цѣлыми вѣками сохранялись онѣ, переходя отъ одного лица къ другому, отъ поколѣнія къ поколѣнію. Сохранить книгу, какъ цѣнную вещь,—вотъ было главное назначеніе книгохранильни, потому что дорого стоившія книги нерѣдко утрачивались. „А сіи праздники (нотные XVI в.) никому не продать и ни отдать, ни въ кельѣ держать, ни въ закладъ заложить, только съ благословеніемъ ризничаго брать и пономарямъ объявя, понеже многія книги утрачиваются“ [1]). Завѣщатели-вкладчики говорили: „да никтоже никакожо покусится сію книгу отдѣлити отъ сея обители св. Троицы Сергіева монастыря“ [2]), „Сея книги (Минею служебную XV в.) изъ монастыря не отдати для справного свидѣтельства“ [3]), писалъ архимандритъ Діонисій. Келарь Сумонъ Азарьинъ, жертвуя книги въ домъ Живоначальныя Троицы, считалъ долгомъ на нихъ надписывать: „во вѣки неотъемлемо никому“. „Быти сей книги въ книгохранилищи (Никона Черногорца Пандекты и Тактиконъ XVI в.) до скончанія вѣка, а кто украдетъ сію книгу, или кому отдастъ, да судится съ нами предъ Господомъ Богомъ на страшномъ судѣ во второе пришествіе Господа нашего І. Христа“ [4]), „Безъ игуменскаго благословенія не давати ея никому (митрополита Кипріана Псалтири съ возслѣдованіемъ, XIV в., на 410 л.) нашихъ монастырей постриженникомъ“. — Цѣнныя книги особенно старались сохранить. Рѣже сберегалась книга по другимъ побужденіямъ. „Сію книгу (о вѣрѣ-сочиненіе Василія клирика Острожскаго, списанную съ печатной въ Острогѣ въ 1598 г.) Собраніе князь Константина Острожскаго не отдавать никому прочитати, кромѣ св. Троицы работниковъ,

[1]) Ibid. № 453.
[2]) Ibid. № 162.
[3]) Ibid. № 567.
[4]) По Описи о. Леонида. Отд. V, № 2.

совершенныхъ иноческомъ, понеже емлютъ не для пользы мирстіи, но да тщеславятця“ [1]).

Нужда сохраненія книгъ требовала надзора со стороны особо поставленныхъ для этой цѣли лицъ. Поэтому въ XVI и XVII вв. мы видимъ, что книгохранилищемъ-библіотекою завѣдывали особые старцы, называвшіеся книгохранителями, а позднѣе завѣдывавшіе и вотчиннымъ архивомъ Лавры. До начала XVIII в. Троицкая лѣтопись насчитываетъ 17 книгохранителей, а за все время существованія библіотеки — 35 лицъ. Нѣкоторые изъ нихъ отличались начитанностію и любознательностію, оставивъ послѣ себя цѣнное собраніе книгъ, перешедшихъ въ монастырскую библіотеку. Таковы — Іоакимъ, скончавшійся въ 1570 г.; Іоасафъ Кирьяковъ, умершій въ 1644 г. При послѣднемъ сдѣлана была попытка систематизировать книжное богатство Лавры, и въ 1642 г. составлена была опись книгамъ, сохраняющаяся доселѣ; на ней значится 742 книги, почти всѣ рукописныя. Книгохранитель Дороѳей, келейный ученикъ препод. архим. Діонисія, скончавшійся въ 1614 г., отличался трудолюбіемъ въ переписываніи книгъ. Въ жизнеописаніи препод. Діонисія о немъ сказано, что „онъ оставилъ по себѣ многи книги своея руки“. Въ эпоху исправленія Потребника особенною извѣстностію пользовался книгохранитель Антоній Крыло, умершій въ должности справщика при патріаршей типографіи въ 1630 году. Троицкіе старцы-книгохранители сохранили намъ такимъ образомъ рѣдкую по численности и своему составу рукописную библіотеку Лавры, почти единственную изъ монастырскихъ библіотекъ въ Россіи. Общее число рукописей этой библіотеки, хранящейся въ Лаврѣ, 823, и 236 №№, хранящихся въ библіотекѣ М. Д. Академіи, а всего 1059 №№. Библіотеки другихъ извѣстныхъ монастырей имѣли: Волоколамскаго Іосифова — 663 № рукописей, большая часть которыхъ находится въ М. Д. Академіи [2]); Новоіерусалимскаго — 155 [3]); Звенигородскаго, Саввы

[1]) По описи о. Леонида, № 9.

[2]) Строевъ. Описаніе рукопис. Волокол. и другихъ монастырей въ „Памятникахъ Древней Письменности“. Петербургъ, 1891 г.

[3]) Ibid.

Сторожевскаго—127; Пафнутьевскаго Боровскаго—49 [1]); Кириллобѣлозерскаго—871 [2]); Соловецкой—1135 №№ (нынѣ рукописи эти находятся въ Казанской Духовной Академіи). Въ началѣ XVIII в., по дошедшимъ до насъ описямъ отъ 1723—29 гг., всѣхъ книгъ въ Лаврской монастырской библіотекѣ числилось до 2000, на половину печатныхъ, на половину рукописныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что число старинныхъ книгъ въ Лаврской библіотекѣ было бы гораздо больше, если-бы книги не утрачивались и не переходили въ другія мѣста. Троицкія книги находятся въ библіотекахъ Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ, монастыря (Торжественникъ библіотекаря Іоакима), Московской Сунодальной, въ которую во 2-й половинѣ XVII в., по волѣ московскихъ патріарховъ, взяты были книги частію „книгъ печатнаго дѣла исправленія ради“, частію „на обличеніе раскольниковъ“; — Московской Духовной Академіи (тогда Троицкой семинаріи), въ которую въ 1747 г. поступило до 370 книгъ, по волѣ преосвященнаго Арсенія, приказавшаго учителямъ Троицкой семинаріи отобрать въ семинарскую библіотеку „книги за курьезъ причитаемыя“; — въ библіотекѣ Московскаго Университета (лѣтопись Нестора до 1050 г., сгорѣвшая въ 1812 г.). Наконецъ, въ упомянутое число книгъ Троицкой библіотеки не входятъ крупные фоліанты вотчиннаго архива Лавры, содержащіе въ себѣ жалованныя грамоты князей и царей, крѣпостные и всякаго рода юридическіе и экономическіе акты, представляющіе громадный историческій интересъ и еще доселѣ покойно ждущіе своихъ изслѣдователей.

Обращая вниманіе на качественный составъ книгъ Троицкой библіотеки, мы можемъ видѣть—какія книги пріобрѣтались Лаврою и для какихъ цѣлей. Прежде всего въ монастырѣ была нужда въ книгахъ церковно-богослужебныхъ; церковно-практическій интересъ стоялъ на первомъ планѣ. Библія, Евангеліе, Апостолъ, Псалтирь, Псалтирь съ возслѣдованіемъ, Часословъ, Минеи общая и мѣсячная, Служеб-

ники, Паремейники, Требники, Каноники, Святцы, Октоихи, Служебные шестодневы, Тріоди постная и цвѣтная, Синаксари и Стихирари, Ирмологи, Покаянный канонъ Андрея Критскаго, каноны Пресв. Троицѣ, праздники нотные и всякаго рода нотные сборники, службы разнымъ святымъ, Трефологи и Трефологи русскимъ святымъ и наконецъ богослужебные сборники—пріобрѣтались прежде всего. Затѣмъ была нужда въ книгахъ для *назидательнаго чтенія*, удовлетворявшихъ своимъ содержаніемъ благочестиво-аскетическимъ потребностямъ монашествующихъ. Этотъ отдѣлъ, если можно такъ сказать,—спеціально монастырской *библіотеки*, болѣе другихъ обширный, составлялся изъ толкованій на книги Св. Писанія, бесѣдъ Златоуста, Евангелій Учительныхъ, Евангелій Толковыхъ, Ѳеофилакта Болгарскаго, Апокалипсисовъ, Толкованія Андрея Критскаго, и затѣмъ изъ Четьихъ-Миней, житій святыхъ русской и Вселенской Церквей, Патериковъ азбучныхъ, скитскихъ, египетскихъ, печерскаго, Прологовъ, Палеи, Пчелы, Твореній отцевъ Церкви, Поученій Ефрема Сирина, Словъ Григорія Богослова, Лѣствицы Іоанна Лѣствичника, Симеона Новаго Богослова, Словеса о пребываніи иноческомъ и аввы Дорооея *творенія*, Ѳеодора Студита — *поученія* къ своимъ ученикамъ, Книга Ѳеодора Едесскаго — (его житіе и главы), Сборники житій святыхъ и преподобныхъ отецъ, Твореній Діонисія Ареопагита, святаго Аѳанасія епископа Александрійскаго къ князю Антіоху о многихъ совопрошеніяхъ, Кирилла Александрійскаго огласительныхъ и тайноводственныхъ поученій, св. Василія Великаго о постничествѣ, бесѣдъ на Шестодневъ, Златоструя св. Іоанна Златоустаго и другихъ словъ и поученій, Торжественника постнаго, Маргарита Іоанна Златоустаго, его-же—Пятидесятницы и Адріатисы, св. Іоанна Дамаскина Богословія (Небеса) и философіи (Діалектика), св. Исаака Сирина поученій, твореній препод. Нила Сорскаго, Григорія папы Римскаго, Антіоха Черногорца, Петра Дамаскина, Григорія Синаита, Зерцала Великаго, Ѳомы Кемпійскаго *о подражаніи Христу* и разнаго рода сборниковъ со статьями агіологическаго и святоотеческаго содержанія. Сравнительно меньшій, по количеству, отдѣлъ состоялъ изъ

книгъ каноническаго и обличительнаго, равно изъ книгъ разнаго богословскаго содержанія. Въ его составъ входили книги Іоанна Экзарха Болгарскаго—его Шестодневъ и книга „Небеса“, св. Сильверста и препод. Антонія вопросы о разныхъ богословскихъ предметахъ, Космы - пресвитера на новоявленную ересь—Богомилы, полемическіе сборники противъ латынянъ, Книга противъ папистовъ объ исхожденіи Св. Духа, о единой истинной вѣрѣ—сочиненіе Василія инока Острожскаго, книга о образѣхъ (противъ иконоборцевъ), изложеніе на люторы (Ивана Пасѣдки), сочиненія Іосифа Волоцкаго—Просвѣтитель, монаха Отенскаго Зиновія на новоявившуюся ересь, сочиненія препод. Максима Грека, сборникъ словъ митрополита Даніила, Измарагдъ, Діоптра или Зерцало Филиппа пустынника, Троицкъ Иннокентія папы Римскаго, Камень на сокрушеніе оболганія отъ унита Касіана Соковича, архимандрита Дубенскаго въ разсужденіи вѣры, чиновъ, чиноположеній и законопреданій православной греко-россійской Церкви, катехизисъ Сумона Буднаго и Перспектива ксендза Кассіана, Кормчая, Никона Черногорца—Пандекты и Тактиконъ, правила Вселенскихъ и Помѣстныхъ соборовъ и св. отецъ (Кормчая), Матоея Властаря, Мѣрило праведное, Номоканонъ Іоанна Постника, Стоглавъ, Златая Цѣпь и сборники къ этому отдѣлу относящіеся. Наконецъ, всего менѣе мы встрѣчаемъ книгъ историческаго и вообще свѣтскаго содержанія. Къ этому отдѣлу слѣдуетъ причислить Криницу или Временникъ Георгія Амартола, Повѣсть о благовѣрныхъ великихъ князьяхъ Василіѣ и Константинѣ Ярославскихъ, лѣтопись Нестора съ продолжателями до 6927 г. (1419 г.), Хронографъ, Исторія о Казанскомъ царствѣ, Сказаніе объ осадѣ Троицкой Лавры, о посольствѣ Ильи Милославскаго съ Леонтіемъ Лазаревскимъ въ Турскую землю (1642 году), и Торговая книга (Сборникъ), Синопсисъ—или о началѣ проименованія козаковъ и освобожденіи оныхъ отъ ига Польскаго, Три плѣненія Іерусалима: Навуходоносора, Антіоха и Тита, О Сибирскомъ царствѣ (Строгановская лѣтопись), Симеона князя Шаховскаго—сочиненія, Космографія, Козма Индикопловъ, Кругъ Міротворный архіепископа Новгородскаго Геннадія, Алфавитъ (Энциклопеди-

ческій словарь), Обиходникъ столовый, чины разные, кормовыя книги, синодики и сборники съ статьями историческаго содержанія.

Указанный составъ библіотеки Троице-Сергіевой Лавры говоритъ за то, что, при томъ объемѣ и характерѣ древнерусскаго образованія, который такъ хорошо извѣстенъ, библіотека Троице-Сергіева монастыря была самою главною по своему богатству въ Московской Руси. Искать въ этой библіотекѣ какихъ-либо выдающихся явленій книжнаго богатства—значитъ не принимать во вниманіе общихъ условій исторической, древне-русской жизни, уединенно слагавшейся въ сѣверо-восточномъ углу Европы. При свѣтѣ этихъ условій уже важно то, что Лавра *хранила* книгу, тѣмъ или инымъ путемъ *заботилась* о ея пріобрѣтеніи, смотрѣла на нее съ уваженіемъ; важно то, что книжное богатство не оскудѣвало, но прогрессивно развивалось. Легко пріобрѣсти книгу въ настоящее—наше время; въ древней Руси, по тогдашнему типическому выраженію, надо было „сдѣлать книгу", разумѣя подъ этимъ весь сложный процессъ созданія книги, если нельзя было ея купить за дорогую цѣну. Отсюда даже въ необходимыхъ книгахъ былъ большой недостатокъ. Въ описи 1616 г. о подмонастырскомъ, Стромынскаго монастыря, селѣ Коровицынахъ говорится, что „въ церкви его во имя святителя Николая—ризъ нѣтъ; служитъ попъ, добывая изъ сосѣдняго села Заболотья, только одинъ стихарь полотняный вѣтхъ; а Служебника нѣтъ-же; сказалъ Никольскій попъ Андрей Кузьминъ, что къ службѣ книгу Служебникъ добываетъ у иныхъ священниковъ". [1]). Большихъ трудовъ и усилій стоило сдѣлать книгу. Тяжелый трудъ современнаго типографскаго наборщика можетъ назваться легкимъ отдыхомъ по сравненію съ трудомъ древне-русскаго книгописца. Переписчикъ такъ называемой книги „Небеса", Іоанна Дамаскина, въ XVI в. дѣлавшій книгу вѣроятно одному изъ священниковъ города Коломны, заявлялъ: „призвавъ Бога въ помощь... поведѣніемъ нѣкоего снискателя божественныхъ писаній и съ духовнымъ прилежаніемъ ищу-

щаго сущаго изящества святыхъ книгъ именемъ Тимоѳея діакона, Яковлева сына Воженина, бысть сія буковица, рекше азбука, вкратцѣ бесѣдована на поминовеніе къ распространенію веліаго разума и граматичьству въ дому его веліими труды и тщаніемъ и его вѣрою и списканіемъ, а рукою нѣкоего нищаго инока... постриженника Благовѣщенія пресв. Богородицы Вербозомскаго острова изъ Заволжіа, отъ страны Бѣлозерскія, именемъ Павла" [1]). Часто весьма трудно было достать книгу для того, чтобы списать ее. „Сія книга Діонисія Ареопагитскаго. Написана бысть рукою многогрѣшнаго раба Божія Георгія Евсхіева сына Комынина Ржевитина въ преславномъ и богоспасаемомъ градѣ Ярославлѣ Поволскомъ. Писалъ есть съ древняго и ветхаго переводу, справити было несчего,—книги такіе въ Ярославлѣ не добылъ" [2]). При такихъ условіяхъ развитія книжнаго дѣла на Руси—книжныя монастырскія сокровища Лавры въ нашихъ глазахъ пріобрѣтаютъ особенную цѣну: онѣ придавали Лаврѣ значеніе крупнаго культурнаго центра въ Московскомъ государствѣ.

Въ этомъ отношеніи прежде всего Живоначальная Троица — Сергіевъ монастырь, „исполненная книгами", имѣла возможность удовлетворять всѣхъ ищущихъ образованія. Извѣстенъ отзывъ справщика Арсенія Глухого объ образовательномъ значеніи монастырей вообще и Троицкаго въ частности. Въ посланіи къ протопопу Ивану Лукьяновичу Арсеній говоритъ: „тебѣ государю моему сіе точію едино вѣдомо, что язъ нищей воспитанъ въ мѣстѣ не нарочитѣ и сельскомъ и учителей, вѣдущихъ словесную хитрость во училищи не бывалъ, но отнележе убо облекохся во иноческое одѣяніе, много паче честныя обители прохождахъ, и въ нихъ много священныя книги обрѣтахъ, въ нихъ же обрѣтохъ и прелюбезнѣйшую мнѣ паче инѣхъ книгу св. Ивана Дамаскина, и о осьмихъ частехъ слово, многажды прохождахъ въ мысленныхъ трудѣхъ и потовѣхъ, многихъ же и мниховъ разумныхъ обрѣтохъ и съ ними совопрошался

1) Опись о. Леонида, № 21.
2) Ibid. № 3.

со-всякимъ смиреніемъ, якоже и пишетъ — вопроси отца твоего и возвѣститъ тебѣ, и старца твоя рекутъ тебѣ вразумѣй. И извыкохъ осмимъ частемъ слово, кромѣ малыхъ дробей, по граматикѣ же и сія разумна суть. Ктому же роды и числа, времена и лица и залози и въ нихъ же воля души содержится пяти словесъ, рекше въ повелѣнномъ, въ молитвенномъ, въ вопросномъ, во звательномъ, въ повѣстномъ, яжъ изложенія наричутся, ктомужъ и священную философію да сотию проидохъ за превысокуюжъ ея премудрость и за неизреченный ея тонкій разумъ, тупоумному мнѣ и безпамятному и неочищенъ умъ имущему отъ пресыпанія страстемъ, обретеся темно и покровенно; но обаче не весьма отщетихся обрѣтохъ убо малу зарю разгоняющу мракъ невѣдѣнія отъ худаго ума моего“ [1]). Здѣсь дается полная картина образовательнаго значенія монастырей и тѣхъ условій, которыми обставлено было это образованіе. Только въ нихъ можно было найдти необходимыя книги и руководителей; только здѣсь, благодаря книжнымъ богатствамъ, можно было удовлетворить любознательную жажду. Монастырь въ древней Руси былъ школою въ полномъ смыслѣ слова, и не будетъ ошибки сказать, что школъ въ древней Руси было столько, сколько монастырей (разумѣется — кромѣ школъ спеціальныхъ). Арсеній Глухой говоритъ о времени, когда, по словамъ Авраамія Палицына, даже „епископы едеже текли рѣчью по книзѣ псаломстѣй“ [2]), „когда были, по словамъ Арсенія, и таковы иныя, которыя на справщиковъ вину возлагали, а азбуки едва умѣли, не знали, кои въ азбуцѣ гласныя письмена и согласныя, а родовъ и временъ и лицъ и числъ того и не поминай, священная же философія и въ рукахъ не бывала, безъ неяжъ никтоже можетъ право разсудити, не точію въ божественныхъ писаніихъ, но и въ земскихъ дѣхъ, аще и прироженіемъ разуменъ“ [3]). Тоже самое можно сказать и о раннѣйшемъ времени. Въ частности объ образовательномъ значеніи Троицкаго монастыря Арсеній въ послѣсловіи къ переписаннымъ имъ каноникамъ

---

[1]) Правосл. Собес. 1863 г. ч. II, 367 и слѣд. стр.
[2]) Р. Архивъ 1866 г.—Авраамій Палицынъ, какъ писатель.
[3]) Пр. Соб. стр. 368.

говоритъ: „Писахъ же съ разныхъ списковъ, тщашеся обрѣсти правая... Повѣдаю же и се, откуда изыскахъ многія списки. Бѣ бо въ велицей обители сей инокъ, именемъ Антоній (Крыловъ-справщикъ, ум. 1630 г.), православенъ, божественная писанія чтый и мысленне потяся къ разумѣнію сихъ и по премногу тщателенъ въ сихъ исправленію, ему же поручена служба многостяжательная божественныхъ книгъ Пресв. Живоначальная Троица и Преподобныхъ отецъ Сергія и Никона книгохранительница. Азъ же грѣшный къ нему прихождахъ часто и моляхъ его, да подастъ ми разныхъ списковъ на преписаніе. Той же богомудрый инокъ, любяй истинное и Богу угодное и души полезное, не явися ослушливъ ни въ малѣ, но и предваряше словесе моего, и хождаше въ многобогатую божественныхъ писаній книгохранительницу, овы убо мнѣ книги многи въ келью дая на исправленіе, ово же тамо много, елико обрѣтохомъ, любомудрѣ купно съ нимъ смотряхомъ, да обрящемъ правая и Богу угодное“ [1]). Изъ этого отзыва, по сношенію его съ предыдущимъ, видно, что „въ многобогатой книгохранительницѣ“ Сергіева монастыря можно было найти полное удовлетвореніе любознательности всѣмъ, искавшимъ образованія, и заниматься при помощи руководителей.

Но Сергіева Лавра просвѣщала не только на мѣстѣ, но и путемъ разсылки книгъ нуждающимся. Это видно изъ приписокъ на Троицкихъ книгахъ. Сборникъ XVI в., содержащій въ себѣ житія святыхъ, данъ былъ изъ Троицкаго монастыря въ больницу къ Соловецкимъ чудотворцамъ [2]). Поученія св. І. Златоуста были отосланы „на Москву, на Богоявленіе, на время“ [3]). Евангеліе учительное XV в., писанное въ Троицкомъ монастырѣ, въ 1628 г. отправлено было, по приговору Троицкихъ властей, въ Успенскій Стромынскій монастырь [4]). Въ лѣто 1627-ое сію св. книгу (Минею служебную XVI в.) далъ въ домъ Пречистыя Богородицы и великаго Чудотворца Сергія въ Стромын-

[1]) Опис. рукоп. №№ 281—282.
[2]) Ibid № 623.
[3]) Ibid. № 17 по описи о. Леонида.
[4]) Ibid. № 99.

скій монастырь... архимандритъ Діонисій въ прокъ, безъ отдачи“ [1]). Главнымъ образомъ монастырь снабжалъ книгами церкви своихъ Троицкихъ вотчинъ. Въ 1648 г. декаб. 1-го Минея служебная (XVII в.) „дана была изъ Троице-Сергіева монастыря изъ монастырской казны въ Троицкую вотчину— въ село Шухабаново (Сузд. уѣзда), въ церковь Успенія Пречистыя Богородицы безденежно“. „Книга, глаголемая Минея мѣсячная Троицы Живоначальныя Сергіева монастыря дана попу Филату села Новаго переселка Поддубнаго на престолъ Препод. Сергію игумену Радонежскому“ [2]). По описи 1642 г. показано до 100 книгъ въ раздачѣ по монастырямъ и селамъ, подвѣдомственнымъ Троице-Сергіеву монастырю и 19 книгъ въ разсылкѣ къ Москвѣ. Такимъ образомъ, при бѣдности и рѣдкости книгъ въ древней Руси, Лавра, разсылая книги, оказывала безспорную услугу дѣлу просвѣщенія.

Громадную цѣнность заключаютъ въ себѣ лаврскія книги въ научномъ отношеніи. По нимъ мы можемъ судить не только о томъ, чѣмъ интересовалась мысль грамотнаго человѣка въ древней Руси, о степени его образованія, характерѣ этого образованія, —что все составляетъ предметъ науки исторіи русской литературы,—цѣнность этого книжнаго капитала неисчерпаема во многихъ отношеніяхъ. Правда, въ библіотекѣ главнаго русскаго монастыря мы не найдемъ тѣхъ сокровищъ мысли, которыя хранили въ средостѣніи своихъ высокихъ твердынь католическіе монастыри Западной Европы; правда, здѣсь мы не найдемъ плодотворныхъ слѣдовъ творческой научной мысли русскаго человѣка, ни даже метода ея развитія; здѣсь мы не встрѣтимъ, наконецъ, въ разсматриваемый періодъ слѣдовъ организованнаго педагогическаго образованія: школа пріютилась въ стѣнахъ Лавры позднѣе. Тѣмъ не менѣе, какъ нельзя согласиться съ словами Курбскаго, что въ Троицкомъ монастырѣ были только „любостяжательные, издавна законопреступные мнихи“ [3]), такъ смѣло можно утверждать, что благодаря этимъ

---

1) № 554.
2) Ibid. № 471.
3) Сказанія князя Курбскаго. Изд. 2. Устрялова 1842. стр. 134.

„мнихамъ“ мы имѣемъ возможность изучать важныя для науки русскаго просвѣщенія памятники древней письменности. Монастыри Западной Европы создались на почвѣ классическаго міра; было бы странно, если бы они утеряли наслѣдство. Наши монастыри, возникшіе исключительно въ цѣляхъ благочестія, строились среди дикихъ дебрей обдѣленнаго природою глухого и бѣднаго финскаго сѣвера, — были пустынями въ полномъ смыслѣ этого слова. И тѣмъ не менѣе, не смотря на всякія тяжкія условія, пустыня Сергіевой Лавры собирала отовсюду книжное богатство, помѣщая его въ свою книгохранилку. Вотъ почему, хотя всѣ эти собранія и носятъ характеръ случайныхъ пріобрѣтеній, въ нихъ однако мы находимъ и цѣнныя вещи. Укажемъ на главное. Такъ, одни изъ Троицкихъ книгъ замѣчательны своею стариною и важны для науки славянской филологіи и палеографіи. Кромѣ книгъ, оставшихся послѣ первыхъ Троицкихъ игуменовъ, въ этомъ отношеніи замѣчательны: „Кринница или Временникъ Георгія Амартола“ болгарской редакціи, по мнѣнію о. Леонида, по времени написанія и лицевымъ изображеніямъ,—древнѣйшій и любопытнѣйшій изъ всѣхъ извѣстныхъ у насъ списковъ Временника Георгія Амартола. „Сказаніе о старцѣ Никодимѣ и его жительствѣ“ представляетъ изъ себя древнѣйшую редакцію, весьма замѣчательную по своему слогу [1]). Изъ рукописей XIV в. замѣчателенъ Стихирарь, писанный какимъ-то Епифаніемъ, съ любопытными замѣтками, относящимися къ году Куликовской битвы [2]). Изъ старинныхъ рукописей выдается своею древностію Сборникъ, исхода XII в., разнообразнѣйшаго содержанія, но главнымъ образомъ заключающій въ себѣ отеческія слова [3]). Въ академической библіотекѣ доселѣ сохраняется древнѣйшій списокъ исторіи Стоглава (XVI в.) Троицкаго старца Варсонофія Яхимова (1580—90 гг.). Замѣчательны рукописи письма митрополита

Кипріана, а именно: „св. Іоанна Лѣствичника Лѣствица, писанная въ Студійской обители въ 1387 г. съ сербскаго извода оной, исправленнаго въ 1370 г. стараніемъ сербскаго князя Георгія Бранковича“ [1]). Далѣе, Псалтирь съ возслѣдованіемъ (XIV в.)—важна и въ историческомъ отношеніи по опредѣленію времени жизни свв. южныхъ славянъ, въ ней упоминаемыхъ; и наконецъ—творенія Діонисія Ареопагита. Очень важна рукопись—„св. Сильверста и преподобнаго Антонія вопросы и отвѣты“ (XV в.). Болгарская редакція этой книги, по мнѣнію о. Леонида, весьма древняя и несомнѣнно принадлежитъ къ одной эпохѣ съ сочиненіями Іоанна Экзарха, Константина епископа и Григорія пресвитера. Интересны такъ называемые алфавиты, составлявшіеся съ цѣлію облегчить читателей Св. Писанія толкованіемъ непонятныхъ словъ. На одномъ изъ нихъ [2]) митрополитъ Платонъ замѣтилъ: „книга любопытна и полезна: требуетъ исправленія въ словахъ иностранныхъ“, а относительно другого [3]) о. Леонидъ замѣчаетъ: „авторъ любитель и знатокъ древнеславянской письменности, знакомый съ языками классическими, почитатель учено-любомудраго Максима Грека“ (можетъ быть—Арсеній Глухой). Эти сборники носятъ на себѣ отчасти энциклопедическій характеръ и важны въ томъ отношеніи, что изъ нихъ почерпали предки свѣдѣнія по разнымъ отраслямъ свѣтскаго знанія [4]). Чрезвычайно много книгъ мы встрѣчаемъ цѣнныхъ въ историческомъ и церковно-историческомъ отношеніяхъ. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ отмѣтить такъ называемую „Троицкую Лѣтопись“ или лѣтопись Нестора съ продолжателями до 1419 года. Списокъ—близкій къ такъ называемому радзивилловскому, но лучшій его; особенно подробно эта лѣтопись излагаетъ событія, совершившіяся въ предѣлахъ Ростовскаго княже-

---

[1]) Ibid. № 29.

[2]) По описи о. Леонида, № 36.

[3]) Ibid.—№ 37.

[4]) *Примѣч.* Книги библіотеки Троицкой Лавры, замѣчательныя по древности въ другихъ отношеніяхъ, подробно указаны въ Историч. Описаніи Троиц. Лавры.

ства [1]). Важенъ въ историческомъ отношеніи Сборникъ XVII в. [2]) съ росписью городовъ Московскаго государства, съ обозначеніемъ рѣкъ, на которыхъ стояли города. Кромѣ того, здѣсь перечисляются монастыри, „которые свои осады имутъ"; идетъ рѣчь о великомъ городѣ Москвѣ, которая, между прочимъ, въ XVII в. имѣла 41,500 домовъ; описываются обычаи Московскаго государства, Троицкая Лавра, русскія княжества; помѣщается краткая лѣтопись Троицкой Лавры отъ 1570 по 1585 годъ. Любопытенъ Сборникъ [3]), въ которомъ помѣщается разсказъ о посольствѣ Ильи Милославскаго съ Леонтіемъ Лазаревскимъ въ Турскую землю (1642 г.), и торговая книга, или роспись главнымъ русскимъ товарамъ, съ обозначеніемъ ихъ расцѣнки. Много замѣчательныхъ историческихъ статей приложено къ сказанію Аврамія Палицына объ осадѣ Лавры [4]). Въ одномъ изъ Сборниковъ [5]), кромѣ другихъ статей, важныхъ для исторіи смуты, находятся любопытныя первыя шесть главъ чернового сказанія Палицына, по которымъ мы можемъ составить понятіе о томъ, какъ писалось и редактировалось знаменитое сказаніе объ осадѣ. Чрезвычайно любопытны въ историческомъ отношеніи сочиненія Сумеона, князя Шаховскаго [6]). Въ церковно-историческомъ отношеніи замѣчательны Минеи, указывающія на время установленія празднованія русскимъ святымъ, и — содержаніемъ своихъ пѣснопѣній. Изъ нихъ особенно замѣчателенъ Сборникъ подъ названіемъ Минея Общая [7]) (XV или начала XVI в.), рѣдкій по своему составу, въ старыхъ Лаврскихъ описяхъ обозначенный книгою Серапіона, архіепископа Новгородскаго († 1516 г). Въ церковно-историческомъ отношеніи очень важны — „Описаніе о русскихъ святыхъ" [8]), составленное въ концѣ XVI в.,

---

[1]) По описи о. Леонида, № 24.
[2]) Ibid № 29.
[3]) Ibid. № 34.
[4]) Ibid. № 32.
[5]) Ibid. № 10.
[6]) Ibid. № 27.
[7]) № 10—по описи о Леонида.
[8]) Ibid. № 23.

въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича; Прологъ 1429 года [1]), замѣчательный своими нравственными сказаніями. По поводу его епископъ Сергій, разбиравшій Прологъ [2]), говоритъ, что „судя по нему, наша богословская литература уже въ сіе время была богата твореніями св. отцовъ, переведенныхъ на славянскій языкъ“; Патерикъ скитскій XVI вѣка [3]), одинъ изъ самыхъ полныхъ, и другіе Патерики, списки надгробій Троице Сергіева монастыря [4]), важны, въ историко-хронологическомъ отношеніи. Интересны экземпляры сочиненій Максима Грека [5]); полагаютъ, что эта рукопись (XVI в.) писана рукою самого препод. Максима Грека; Сборникъ словъ митрополита Даніила (XV в.), на которомъ рукою митрополита Платона написано: „разныя митрополита Даніила поученія довольно благоразумны, особливо для тогдашняго времени“ [6]). Часто важны въ историческомъ отношеніи отдѣльныя части книгъ и приписки на нихъ, проливающія новый свѣтъ на тотъ или другой историческій фактъ, уясняющія событія. При бѣдности нашего лѣтописнаго матеріала, всякая такая приписка заслуживаетъ особливо тщательнаго вниманія со стороны изслѣдователей. Такъ, въ Четіи-Минеи (XVI в.) № 4-й, въ поученіи о просвѣщеніи св. Богоявленія, встрѣчаются несомнѣнные признаки того, что слово это писано въ Паннониі однимъ изъ учениковъ препод. Меѳодія, просвѣтителя Славянскаго,—вѣроятнѣе всего Климентомъ. Въ Минеи-Четьи № 5-й заслуживаетъ внимательнаго изслѣдованія Житіе Власія; оно можетъ навести на догадки въ малоизслѣдованной исторіи Аѳона. Въ Четіи-Минеи № 10-й, данной монастырю въ 1649 г. казначеемъ Калинникомъ, любопытно „Житіе вкратцѣ и слово похвальное святому и праведному Христа ради Юродивому, богоблаженному Василію, досточудному Чудотворцу Московскому“,—судя по припискѣ, составленное краснорѣчивымъ келаремъ

---

[1]) № 717 по Лаврской описи.
[2]) Мѣсяцесловъ Востока I, 272 и сл.
[3]) Опис. № 707.
[4]) Ibid. №№ 820, 821.
[5]) По описи о. Леонида, № 20.
[6]) Ibid. № 21.

Лаврскимъ—Авраамiемъ Палицынымъ. Въ толковомъ Апокалипсисѣ съ прибавленiями (№ 12) любопытно „Сказанiе о проявленiи чудеси отчизны пресв. Богородицы св. мученику Меркурiю, иже во градѣ Смоленскѣ, и о нахожденiи безбожнаго Батыя“, писанное въ 1509 г. Здѣсь помѣщенъ любопытный въ ряду памятниковъ русской письменности древнѣйшаго ея перiода—по тѣмъ источникамъ, изъ которыхъ составленъ „Плачъ русской земли о чадѣхъ своихъ“. Приписки, цѣнныя въ историческомъ отношенiи, встрѣчаются во множествѣ. Такъ, на Псалтири XVI в. значится [1]): „лѣта 7055 (1547 г.) поставленъ храмъ каменный на Подолѣ, Введенiю св. Богородицы, а ставилъ его Иванъ Хабаровъ. Того же лѣта далъ князь Иванъ Васильевичъ всея Руси Чудотворцу Сергiю 3000 р.“ Такимъ образомъ случайно занесено въ Псалтирь свѣдѣнiе чисто лѣтописнаго характера. На Стихирарѣ Крюковомъ второй половины XV в. помѣчено: „въ лѣто 7003 (1495) апрiля 9, въ среду, 4 часъ нощи преставился прежде бывшiй архiепископъ Сергiй великаго Новгорода и Пскова, и положенъ въ землѣ апрiля 10-го въ четвертокъ у Троицы, въ Сергiевомъ монастырѣ“. Приписка поправляетъ годъ смерти Сергiя: ранѣе думали, что онъ умеръ въ 1504 г. [2]). На одномъ изъ полей Сборника № 22-й съ разными статьями богословскаго и полемическаго содержанiя (XVII в.) встрѣчаемъ приписку: „Отче нашъ (во время богослуженiй) поютъ или глаголютъ не пѣвцы, а *людiе*, какъ и аминь“. Эта приписка наводитъ на мысль, что въ древне-русской Церкви было всенародное пѣнiе нѣкоторыхъ пѣснопѣнiй. На богослужебномъ сборникѣ первой половины XVI в. любопытна лѣтописная приписка: „лѣто 7022 Декабря 11 священа бысть церковь Покровъ св. Богородицы въ Новомъ селѣ Олександровскомъ; тогды великiй князь и во дворъ вшелъ“, т. е. въ опричнину царь Иванъ Грозный [3]). Приписка установляетъ время поселенiя Грознаго въ Александровской слободѣ. Безспорно,

---

[1]) № 327 по описи Лаврской.

[2]) Исторiя Россiйск. iерархiи ч. I, 76 стр.

[3]) Лавр. опис. № 647.

что тщательное разслѣдованіе Троицкихъ книгъ откроетъ въ припискахъ къ нимъ массу цѣнныхъ во всѣхъ отношеніахъ извѣстій. Встрѣчаются книги, важныя для исторіи церковнаго пѣнія вообще и, въ частности, для обычаевъ этого пѣнія въ Лаврѣ и русскихъ церквахъ—Стихирари XVI в. [1]) и Кондакарь исхода XII, въ которомъ встрѣчается, между прочимъ, сугубая аллилуіа, замѣчательный по крюкамъ и древнему нотописанію. Наконецъ нельзя не упомянуть и о томъ, что нѣкоторыя Троицкія книги важны для изученія элементовъ исторіи русскаго искусства, какъ оно обнаруживалось въ изображеніи красками, золотомъ и киноварью лицевыхъ украшеній, заглавныхъ буквъ, заставокъ и проч. на Троицкихъ книгахъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательны—Апостолъ (XVI в.) [2]), Стихирарь уставщика Логгина, современника архим. Діонисія, въ которомъ заставки и рамки, сдѣланныя весьма искусно золотомъ и киноварью, свидѣтельствуютъ о развитіи этого искуства у Троицы; Псалтирь съ возслѣдованіемъ 1429 г. (?), изслѣдованная академикомъ О. И. Буслаевымъ [3]); Псалтирь съ возслѣдованіемъ Авраамія Палицына, хранящаяся въ библіотекѣ М. Д. Академіи [4]), и много другихъ. Въ историческомъ отношеніи, повторяемъ, высокую цѣнность представляетъ изъ себя хранящійся въ библіотекѣ Лавры старый вотчинный архивъ, заключающій въ себѣ историческія и хозяйственныя свѣдѣнія о многихъ мѣстностяхъ Россіи, такъ какъ владѣнія Лавры находились почти во всей Великой Россіи. Онъ даетъ массу свѣдѣній по исторіи, исторической географіи, этнографіи, колонизаціи древней Руси и сообщаетъ богатѣйшій матеріалъ для исторіи ея экономическаго быта и, главнымъ образомъ, самой Лавры. Вмѣстѣ съ актами вотчинными въ архивѣ находится до 300 святительскихъ грамотъ: благословенныхъ, ставленныхъ, настольныхъ и другихъ, за печатями и подписями всероссійскихъ ми-

---

[1]) Ibid. №№ 410, 412.
[2]) Ibid. № 71.
[3]) См. Совр. Извѣст. 1881 г. № 343 и 349.
[4]) № 8 по описи о. Леонида.

тополитовъ и патріарховъ, — важныхъ для церковно-исторической науки.

Въ исторіи просвѣтительной дѣятельности Троицкой Лавры ея книжное богатство, копившееся вѣками, составляетъ главный предметъ и интересъ для изслѣдователя—за древнѣйшій періодъ существованія обители Преподобнаго. Конечно, только благодаря этому богатству Лавра могла обнаруживать болѣе или менѣе плодотворную просвѣтительную дѣятельность, только благодаря ему она давала возможность учиться и учить. Другимъ условіемъ, содѣйствовавшимъ просвѣтительному значенію Лавры, было то обстоятельство, что она за весь древнѣйшій періодъ своего существованія была пріютомъ для замѣчательныхъ личностей, пользовавшихся значеніемъ въ политической сферѣ и всеобщимъ уваженіемъ за свое просвѣщеніе и благочестіе. Вслѣдъ за первыми игуменами Лавры Сергіемъ и Никономъ былъ игуменъ *Зиновій* (до 1443 г.), особенный любитель книгъ, посредникъ въ примиреніи великаго князя Василія Васильевича съ Димитріемъ Шемякою и крестный отецъ Ивана Васильевича (III-го). Съ начала XVI в. въ области древнерусской письменности начинаетъ обнаруживаться замѣтное оживленіе. Количество греческихъ житій, переведенныхъ тогда или прежде, достигаетъ теперь значительной цифры, и русскіе списки ихъ размножаются. Важную роль въ этомъ книжномъ движеніи при игуменѣ Зиновіѣ стала принимать Лавра Сергіева. Въ лаврской библіотекѣ хранится рукописный сборникъ, содержащій въ себѣ житія разныхъ святыхъ числомъ до 25 — древнѣйшій по значенію времени. Указаніе времени заключается въ слѣдующей надписи: „въ лѣто ҳѕ ц. а. ѳ. списася книга сія въ святой горѣ Аѳонстѣ, въ обители царствѣй въ Лаврѣ великаго Аѳонасія, подкрылiемъ св. Григорія Паламы и препод. отца нашего Петра Аѳонскаго, въ кущи святаго и славнаго пророка Иліи. Преписана (рукою) многогрѣшнаго и смиреннаго инока Аѳонасія Русина, послѣди же повелѣніемъ господина Зиновія (четвертаго по счету отъ начала основанія обители) игумена Сергіева монастыря списася грѣшнымъ Іонрю игу-

меномъ Угрѣшскимъ“ [1]). Любознательный игуменъ Троице-Сергіева монастыря озаботился пріобрѣтеніемъ для своей обители выписенныхъ съ Аѳона житій святыхъ, и само собою понятно, что этотъ кодексъ житій святыхъ сталъ постепенно, путемъ списыванія, распространяться изъ Троицкаго монастыря по другимъ тогдашнимъ монастырямъ сѣверо-восточной Руси. Изъ преемниковъ игумена Зиновія замѣчательны — *Вассіанъ* (до 1466 г.), который былъ отправленъ святителемъ Іоною митрополитомъ для утвержденія въ православіи княгини Кіевской Анастасіи съ ея дѣтьми, Симеономъ и Михаиломъ,—возведенный затѣмъ въ санъ архіепископа Ростовскаго. Это тотъ самый Вассіанъ, который извѣстенъ своимъ сильнымъ посланіемъ къ Іоанну III-му, возбуждавшимъ Самодержца Руси къ мужественному сопротивленію татарскимъ полчищамъ. При игуменѣ *Спиридонѣ* (до 1474 г.) жилъ и скончался въ Троицкомъ монастырѣ митрополитъ Ѳеодосій (въ 1475 г.). Изъ преемниковъ Спиридона извѣстенъ *Паисій Ярославовъ* (1482 г.), желавшій „чернецовъ троицкихъ превратити на Божій путь, на молитву и на постъ и на воздержаніе“; этотъ Паисій, кромѣ того, извѣстенъ какъ посредникъ въ примиреніи великаго князя съ митрополитомъ Геронтіемъ и братьями князя Борисомъ и Андреемъ. При игуменѣ Макаріи инокъ Троицкой обители *Сергій* былъ избранъ на каѳедру Новгородскую въ Москвѣ (1483 г.), а потомъ жилъ на покоѣ и умеръ у Троицы (1495 г.). Игуменъ *Аѳанасій* (до 1489 г.) присутствовалъ на Московскомъ соборѣ противъ еретиковъ Жидовствующихъ, при митрополитѣ Зосимѣ; при немъ жилъ у Троицы и самъ митрополитъ, принужденный оставить митрополію по подозрѣнію въ ереси. Игуменъ *Симонъ* (1495 г.) вмѣсто митрополита благословлялъ въ Успенскомъ соборѣ дочь великаго князя Іоанна Васильевича Елену, которую выдавалъ князь Иванъ въ Литву за великаго князя Литовскаго Александра. Этотъ Симонъ былъ первымъ митрополитомъ Московскимъ изъ Троицкихъ игуменовъ. Игуменъ *Серапіонъ* (до 1505 г.) извѣстенъ своимъ ходатайствомъ

[1]) Историч. опис. Серг. Лавры, стр. 186.

передъ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ за несчастныхъ, подвергшихся его опалѣ; онъ принималъ дѣятельное участіе въ разсужденіяхъ Московскаго собора о монастырскихъ владѣніяхъ. Въ 1506 г. Серапіонъ былъ сдѣланъ архіепископомъ Новгородскимъ; при немъ же инокъ Троицкаго монастыря Евфимій былъ сдѣланъ епископомъ Сарскимъ. Игуменъ *Порфирій* (до 1524 г.) извѣстенъ ходатайствомъ предъ великимъ княземъ Василіемъ III за князя Путивльскаго Василія, внука Димитрія Шемяки. Курбскій называетъ Порфирія „блаженнымъ и святымъ". Во второй четверти XVI в. былъ игуменомъ у Троицы знаменитый *Іоасафъ Скрипицынъ* (до 1539 г.), близкій человѣкъ великаго князя Василія, своими совѣтами облегчавшій его кончину. По смерти Даніила Іоасафъ былъ митрополитомъ всея Руси, первосовѣтникомъ юнаго Ивана Васильевича Грознаго и принималъ дѣятельное участіе въ устройствѣ государственныхъ дѣлъ въ смутную эпоху боярскаго самовластія. Преемникъ Іоасафа *Алексій* былъ, по оставленіи игуменства въ 1543 г., архіепископомъ Ростовскимъ, и затѣмъ вмѣстѣ съ Іоасафомъ жилъ у Троицы. Архіепископомъ Ростовскимъ былъ и одинъ изъ преемниковъ Алексія, игуменъ *Никандръ* (до 1545 г.). Игуменъ *Серапіонъ II Курцевъ* (до 1551 г.) принималъ дѣятельное участіе на Стоглавомъ соборѣ и извѣстенъ своими сношеніями по дѣламъ собора съ русскими іерархами. Серапіонъ послѣ того былъ архіепископомъ Новгородскимъ. Въ половинѣ XVI в. занималъ настоятельство въ Троицкой Лаврѣ игуменъ *Артемій*, имѣвшій, по словамъ протопопа Сильверста, и „ученіе книжное довольное, и добрый нравъ и смиреніе", заботившійся о переводѣ на русскій языкъ твореній отцевъ Церкви, извѣстный своимъ ходатайствомъ за старца Максима Грека, своимъ гуманнымъ отношеніемъ къ еретикамъ Жидовствующимъ, навлекшій на себя подозрѣніе за то самое въ еретичествѣ. Это—тотъ просвѣщенный игуменъ Артемій, который своими сильными посланіями, громко и ясно свидѣтельствующими о его твердости и ревности въ православной вѣрѣ, удержалъ Литовскую Русь, по словамъ о. Леонида, отъ впаденія въ протестантизмъ. Преемникъ Артемія *Гурій* Луженкій (до 1554 г.)

возведенъ былъ въ санъ епископа Рязанскаго; а одинъ изъ его преемниковъ архимандритъ *Кириллъ* (до 1568 г.), послѣ св. Филиппа, возведенъ былъ на престолъ митрополіи Московской. Архимандритъ *Іона* (до 1584 г.) зналъ о раскаяніи Грознаго въ смерти сына, царевича Іоанна. При немъ жили въ Троицкомъ монастырѣ достойнѣйшіе иноки келарь Евстафій Головкинъ и Варсонофій Якимовъ. Послѣдняго уважали державные цари, а юный сынъ Борисовъ, царевичъ Ѳеодоръ, писалъ къ нему дружескія письма. Іона архимандритъ извѣстенъ своими заботами о распространеніи христіанства среди терскихъ лопарей. Архимандритъ *Кириллъ* II до 1605 г. представляетъ изъ себя свѣтлую личность. Возведенный затѣмъ въ санъ архіепископа Ростовскаго и Ярославскаго, онъ примирялъ враждующихъ въ Ярославлѣ и такъ былъ любимъ своею паствою, что, когда отрекся отъ престола, паства усиленно просила его о вторичномъ занятіи каѳедры архіепископской. Не говоримъ о великомъ защитникѣ земли русской въ эпоху смуты, Преподобномъ *Діонисіи*, имя и дѣянія котораго такъ хорошо извѣстны. Изъ преемниковъ Діонисія болѣе другихъ примѣчательны: *Іоасафъ II* (до 1667 г.), при которомъ Троицкая обитель пользовалась особеннымъ уваженіемъ царя Алексѣя Михайловича, глубоко уважавшаго Іоасафа, возведеннаго послѣ Никона на патріаршій престолъ. *Викентій* (до 1694 г.), при которомъ нашелъ защиту въ стѣнахъ обители царь Петръ Алексѣевичъ въ бурные дни Стрѣлецкаго бунта, и наконецъ *Іовъ* до 1997 г., оставившій по себѣ свѣтлую память въ качествѣ митрополита Новгородскаго своею разумною и просвѣтительною дѣятельностію въ духѣ великаго преобразователя русской земли, Петра I-го. Этотъ краткій перечень Троицкихъ настоятелей и извѣстныхъ иноковъ, изъ которыхъ нѣкоторые занимали впослѣдствіи епископскія каѳедры, а оставляя свои каѳедры, живали на покоѣ въ Троицкомъ монастырѣ, говоритъ за то, что Сергіевъ монастырь за древнѣйшій періодъ своего существованія не оскудѣвалъ и свѣтлыми личностями, придававшими ему просвѣтительное значеніе, своимъ примѣромъ развивавшими благочестіе и любознательность среди братіи, наконецъ имѣв-

шими вліяніе на царей и гражданское устроеніе русской земли.

Но особенно содѣйствовали просвѣтительному значенію Троицкой Лавры иноки-писатели, оставившіе крупные слѣды въ исторіи русской письменности древняго періода. Въ началѣ XV в. любители книжнаго просвѣщенія въ обители Преподобнаго отъ простого труда переписчиковъ начинаютъ постепенно переходить къ болѣе сложному труду авторства. Вскорѣ послѣ блаженнаго преставленія Преп. Сергія это авторство прежде всего и главнымъ предметомъ своимъ имѣло жизнедѣятельность Преподобнаго. Вотъ почему ученикъ святого Сергія и духовникъ братіи, заслуживший за свое любомудріе названіе Премудрѣйшаго, Епифаній († около 1418 года) описалъ житіе и подвиги Преподобнаго и составлялъ похвальныя ему слова [1]). Его считаютъ творцомъ новой агіобіографіи на русскомъ сѣверѣ или, по крайней мѣрѣ, зачисляютъ въ рядъ первыхъ ея мастеровъ. Долговременное пребываніе автора въ обители Преподобнаго Сергія при жизни Преподобнаго, его близкое знакомство съ мѣстомъ описываемыхъ событій, какъ равно и со многими изъ живыхъ свидѣтелей жизни Сергія, дали возможность первому агіобіографу Преподобнаго наполнить свое произведеніе рядомъ живыхъ, полныхъ интереса фактическихъ подробностей. Выдающійся представитель современной русской книжности, съ точностію усвоивший пріемы образцовыхъ произведеній церковнаго витійства на славянскомъ языкѣ — переводныхъ или оригинальныхъ, Епифаній Премудрый, чрезъ годъ или чрезъ два по смерти Сергія, первый началъ писать о его жизни, но только для себя, а не для публики, „запаса ради и памяти ради“; но описанныя такимъ образомъ, „нѣкія главизны“ о житіи старца въ свиткахъ и тетрадяхъ, не приведенныя въ порядокъ, лежали у автора лѣтъ 20, ждавшаго — не будетъ ли кто другой писать о томъ же предметѣ. Такъ какъ въ теченіе цѣлыхъ 26 лѣтъ послѣ кончины Препод. Сергія не находилось лица, добровольно пожелавшаго принять на себя достойный трудъ описанія жизни и подвиговъ свя-

[1]) Изданы въ памятникахъ русской Письменности 1885 г.

того, то Епифаній Премудрый, посовѣтовавшись съ разумными старцами, принялся приводить въ порядокъ, дополнять и отдѣлывать свои старые свитки и тетради, или, какъ онъ выражался,—писать житіе Преподобнаго „по ряду“. Кромѣ описанія житія и подвиговъ своего великаго наставника, Препод. Сергія, премудрый его ученикъ оставилъ намъ послѣ себя житіе друга и собесѣдника его, святаго Стефана епископа Пермскаго († 1396 г.) и „Плачь о немъ Церкви Пермской“.—Съ внѣшней стороны, по своему изложенію, творенія Епифанія представляютъ изъ себя выдающіеся образцы древне-русскаго витійства конца XIV и XV ст. По его житіямъ можно составить довольно значительный лексиконъ тѣхъ искусственныхъ, чуждыхъ русскому языку, по своему грамматическому образованію, словъ, которыя внесла въ книжный языкъ древней Руси южно-славянская письменность. Риторическія фигуры и всевозможныя амплификаціи разсѣяны въ житіи съ утомительнымъ изобиліемъ. Велорѣчивый и красноглаголивый авторъ не любитъ разсказывать и размышлять просто, какъ свойственно писать и мыслить хладнокровному жизнеописателю другого лица. Онъ облекаетъ часто одну и ту же мысль въ нѣсколько пространныхъ витіеватыхъ тавтологическихъ оборотовъ; для характеристики святого онъ набираетъ 20, а въ другомъ мѣстѣ 25 эпитетовъ, и почти всѣ они разные. Онъ самъ довольно удачно характеризуетъ свое изложеніе, называя его „плетеніемъ словесъ“. Онъ писалъ въ то время, когда, по выраженію профессора Ключевскаго [1]), „стиль житій у насъ только еще устанавливался, не затвердѣвъ въ неподвижныхъ, холодныхъ формахъ“. Потому его витійство не знаетъ границъ и часто подавляетъ фактическое содержаніе; потомуже изъ всѣхъ образцовыхъ агіобіографовъ онъ былъ наименѣе доступенъ для чтенія или подражанія, чѣмъ объясняется слабое распространеніе его трудовъ въ древне-русской письменности.

Почти одновременно съ Епифаніемъ жилъ въ Троицкомъ

---

[1]) Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ. Москва, 1871 г. стр. 112.

монастырѣ іеродіаконъ Зосима, описавшій свое путешествіе въ Царь-градъ и Іерусалимъ въ 1420 г. въ сочиненіи, называемомъ „Ксеносъ“ [1]). Это паломническое сочиненіе Зосимы имѣетъ важное значеніе для исторической топографіи св. мѣстъ Палестины. Въ половинѣ XV в. трудился въ Троицкомъ монастырѣ іеромонахъ Пахомій Логооетъ, родомъ Сербъ, приглашенный тогда въ Россію съ Аѳона для составленія службъ русскимъ святымъ, а частію и житій ихъ. Онъ имѣлъ громкое имя между древне-русскими книжниками, а по размѣрамъ и количеству своихъ литературныхъ произведеній одва ли не самый плодовитый писатель древней Россіи. Простой перечень трудовъ Логооета, приведенныхъ въ настоящее время въ извѣстность, дастъ понять, какую заслугу оказало перо пріѣзжаго Серба въ области древнерусской письменности. Пахомій написалъ не менѣе 18-ти каноновъ, три или четыре похвальныхъ слова святымъ, шесть отдѣльныхъ сказаній и десять житій. Къ немаловременному періоду пребыванія его въ стѣнахъ Троице-Сергіева монастыря, который опредѣляютъ приблизительно временемъ съ 1440 до 1459 г. [2]), относится, изъ числа его литературныхъ трудовъ, составленное имъ дополненіе Епифаніева жизнеописанія Препод. Сергія повѣстью объ открытіи мощей его и слѣдовавшими за тѣмъ чудесами, краткое житіе св. Сергія; служба ему на 25 сентября и житіе Препод. Никона [3]). Кромѣ того, въ этотъ же періодъ времени, отъ авторства, Пахомій переходилъ къ болѣе простому труду переписчика. Въ библіотекѣ Троицкой Лавры сохранился списокъ книги Сумеона Богослова, написанный рукою Пахомія въ 1443 году, и списокъ Палеи, сдѣланный имъ же въ 1445 г.; въ 1459 г., по порученію казначея того же монастыря, онъ переписалъ псалмы Давида съ толкованіями. Въ рукописи послѣдней книги, хранящейся въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи (№ 23), находимъ слѣдующую приписку того же почерка: „съписани бысть сія божественныя книги

---

[1]) Отпечатано Император. Палестинскимъ Обществомъ въ 1889 г.

[2]) Ключевскій. Ibid. гл. IV, 113 и др. стр.

[3]) Истор. опис. Т.-С. Лавры ч. II, стр. 13.

псалмы Давидови повелѣньемъ Сергія старца, Сергіева монастыря казначія, рукою послѣдняго въ священноиноцѣхъ таха іеромонаха Пахомія сербина, въ лѣто 6967". Изъ общаго числа всѣхъ произведеній Пахомія мы и остановимся лишь на тѣхъ, кои написаны въ бытность его въ Троицкомъ монастырѣ, такъ какъ они имѣютъ болѣе прямое отношеніе къ нашей главной задачѣ.

Появленіе въ стѣнахъ Троице-Сергіева монастыря ученаго инока съ Аѳона около 1440 года было весьма благовременнымъ и полезнымъ для обители. Съ самаго времени основанія обители Препод. Сергіемъ въ средѣ ея уже немалочисленной къ тому времени братіи, не находилось такихъ книжниковъ, которые могли бы своими литературными трудами удовлетворить желаніямъ и вкусамъ читающихъ монаховъ. Вотъ почему просвѣщенный Сербъ Пахомій, какъ писатель, владѣвшій правильнымъ книжнымъ стилемъ, умѣвшій написать житіе святого какъ слѣдуетъ, былъ весьма нужный человѣкъ въ монастырѣ, братія котораго о самомъ основателѣ обители еще доселѣ не могла послушать подобающаго чтенія въ церкви въ день его памяти: житіе, написанное премудрымъ Епифаніемъ, было слишкомъ красноглаголиво, обширно и по витіеватости своего изложенія едва ли могло удовлетворять неприхотливымъ книжнымъ вкусамъ малообразованной братіи монастыря тогдашняго времени. Притомъ оно совсѣмъ ничего не говорило ни объ открытіи мощей святого, ни о чудесахъ, послѣ того совершившихся. Краткое жизнеописаніе Препод. Сергія, написанное и принаровленное Пахоміемъ для указанныхъ цѣлей, и было, кажется, первымъ его литературнымъ трудомъ на Руси. Вѣроятно, одновременно съ этимъ житіемъ составлена была Пахоміемъ и служба Сергію, на которой обыкновенно въ рукописяхъ встрѣчается его имя и которая находится уже въ Сборникѣ 1459 г. Съ года обрѣтенія мощей Преподобнаго въ его обители праздновали торжественно въ честь его, но особой службы на память святого въ монастырѣ не было. Другой литературный трудъ, предпринятый Пахоміемъ во время пребыванія въ Сергіевомъ монастырѣ, предметомъ своимъ имѣлъ описаніе жизнедѣятельности второго игумена оби-

тели, препод. Никона. Житіе этого угодника, краткое, безъ предисловія и похвальнаго слова, составлено Пахоміемъ вѣроятно для службы и обыкновенно встрѣчается въ спискахъ вмѣстѣ съ нею. Эта краткая біографія препод. Никона не представляетъ связнаго разсказа не только о всей жизни Никона, но и о его игуменствѣ въ Троицкомъ монастырѣ. Агіобіографъ въ своемъ трудѣ самъ указываетъ намъ и на главный источникъ, положенный имъ въ основу его труда; это—„еще въ тѣлѣ обрѣтающіеся тоя же обители иноцы, свидѣтели извѣстніи“, т. е. очевидцы Никона, которыхъ конечно было еще много во время составленія житія. Что касается историко-литературнаго значенія указанныхъ трудовъ Пахомія, то нужно замѣтить, что уже древняя письменность считала составленное имъ житіе Сергія не самостоятельнымъ произведеніемъ, а только передѣлкой, новой редакціей прежде написанной біографіи. Вотъ почему въ большей части списковъ этого житія заглавіе его сопровождается замѣткой, что оно „прежде списано бысть отъ духовника мудрѣйшаго Епифанія, послѣже преписано (или преведено) бысть отъ священноинока Пахомія Св. Горы“. Не смотря однако на это, Пахоміево житіе Сергія, какъ и всѣ другія его литературныя творенія, имѣло чрезвычайно широкое распространеніе въ древне-русской письменности. Пахомій былъ и любимѣйшій авторъ во вкусахъ древне-русскаго книжника; вотъ почему онъ нашелъ усердныхъ подражателей пріемамъ своего пера. Его творенія, по справедливому замѣчанію ученыхъ, служили едва-ли не главными образцами, по которымъ русскіе агіобіографы съ конца XV в. учились искусству описывать жизнь святого. Русскіе книжники XV в. смотрѣли на Пахомія, какъ на человѣка, отъ юности усовершившагося въ писаніи и во всѣхъ философіяхъ, превзошедшаго всѣхъ книжниковъ разумомъ и мудростію. Онъ прочно установилъ постоянные, однообразные пріемы для жизнеописанія святого, господствовавшіе довольно долгое время послѣ него; онъ далъ русской агіобіографіи много образцовъ того ровнаго, нѣсколько холоднаго и монотоннаго стиля, которому было легко подражать при самой ограниченной степени начитан-

ности. Вотъ чѣмъ объясняется и то обстоятельство, что въ постепенно увеличивавшейся съ начала XV ст. группѣ житій святыхъ, имѣвшихъ общее значеніе, вездѣ и всѣми читавшихся, самую раннюю и выдающуюся извѣстность получили творенія Пахомія и между ними особенно житіе Препод. Сергія, преимущественную привлекательность которому придавалъ сообщенный ему авторомъ нравственно-назидательный характеръ.

Почти одновременно съ литературною дѣятельностію Пахомія Логоѳета, въ исходѣ того же XV ст., въ стѣнахъ Троицкой обители, создавалъ свой историко-агіобіографическій трудъ другой—доселѣ малоизвѣстный въ церковно-исторической литературѣ—писатель. Это былъ упомянутый нами выше извѣстный горячій ревнитель строго-иноческаго житія въ средѣ монастырской братіи, знаменитый Паисій Ярославовъ. Мы разумѣемъ его еще почти совсѣмъ неизслѣдованное въ современной литературѣ „Сказаніе о Каменскомъ монастырѣ и первоначальникахъ его“[1]). Затѣмъ, почти въ одно и тоже время живутъ у Троицы извѣстные своими литературными трудами митрополитъ Іоасафъ, игуменъ Артемій и препод. Максимъ Грекъ. Митрополитъ Іоасафъ жилъ въ Лаврѣ на покоѣ и скончался въ 1555 г. Во время пребыванія его здѣсь, имъ распространено житіе препод. Никона изъ Пахоміева и составлено житіе святителя Серапіона Новгородскаго[2]). Большаго вниманія заслуживаетъ литературная дѣятельность игумена Артемія и препод. Максима Грека-Святогорца.

Въ недавнее время появилось не лишенное научнаго интереса дѣлое изслѣдованіе о Троицкомъ игуменѣ Артеміи, принадлежащее перу священника о. Сергія Садковскаго. Время жизни Артемія и Максима характеризуется въ исторіи религіознаго состоянія русскаго общества внѣшне-формальнымъ пониманіемъ христіанской религіи. Это было время, когда, по словамъ препод. Максима, большинство

---

[1]) Рукоп. Лавр. библ. № 658, л. 64.

[2]) Соч. Макс. Грека, гл. II; слич. XV.

русскихъ людей „жило во грѣсѣхъ неотступно, а каноны всякими молитвами преподобныхъ молилося по вся дни, чающе спасеніе получити"; время—когда люди жили „въ лихоимствѣ и во всякой злобѣ, а каноны и всякими различными пѣсньми угождати чаяли" [1]). Препод. Максимъ въ своихъ сочиненіяхъ самыми яркими красками изобразилъ намъ религіозно-нравственное состояніе современнаго ему русскаго общества. Отсюда видно, что въ отношеніи христіанскихъ правилъ и предписаній русскій народъ стоялъ на внѣшне-формальной сторонѣ и совсѣмъ не старался вникнуть въ ихъ внутренній смыслъ и значеніе. Онъ ставилъ обрядъ на одну линію съ догматомъ и считалъ его необходимымъ условіемъ для спасенія. Малѣйшее, даже и совершенно повинное отступленіе отъ обряда онъ считалъ заблужденіемъ, уклоненіемъ отъ правой вѣры. На свѣтлыхъ личностей, какими были Артемій игуменъ и Максимъ Святогорецъ, такое религіозно-нравственное состояніе русскаго общества не могло, конечно, не производить мрачнаго, удручающаго впечатлѣнія. Вотъ почему они въ своихъ твореніяхъ являются предъ нами горячими поборниками внутренняго пониманія нравственныхъ основъ христіанской религіи и стараются внушить и пробудить въ народѣ духъ критическаго отношенія къ окружающей дѣйствительности.

Просвѣщенный по своему времени Троицкій игуменъ Артемій, котораго, по словамъ Курбскаго, и самъ царь Иванъ Васильевичъ Грозный, — этотъ образованнѣйшій человѣкъ своего времени, — „зѣло любяше и многажды бесѣдоваше съ нимъ" [2]), всеусиленно старался раскрыть въ глазахъ слишкомъ преданнаго внѣшней религіозной формальности тогдашняго русскаго общества понятіе „объ истинномъ разумѣ и истинной вѣрѣ". Въ одномъ изъ своихъ, столь характерныхъ по обстоятельствамъ его времени посланій, писанномъ въ бытность Артемія у Троицы, онъ обращается *прямо къ царю,* выражая желаніе „подвигнути его царскую

---

[1]) Ibid.

[2]) Сказанія кн. Курбскаго, стр. 136.

душу на испытаніе разума божественныхъ писаній“ [1]). Онъ отмѣчаетъ предъ нами здѣсь любопытные взгляды своихъ современниковъ на евангельское ученіе и чтеніе книгъ. I. Христосъ, говоритъ онъ, далъ намъ совершенное ученіе, но нѣкоторые осмѣливаются говорить: „не требѣ нынѣ по евангелію жити!“ И отъ нѣкоего епископа, продолжаетъ онъ, я слышалъ: „не сыйдется дей нынѣ по евангелію жити: родъ нынѣ слабъ... и ина словеса глаголются отъ нѣкихъ мнящихся быти учителей: грѣхъ простымъ чести апостолъ и евангеліе, и мнози отъ непаказанныхъ боятся и въ руки взяти. И паки: не чти много книгъ, да не во ересь впадеши! И аще кому прилучится подугъ, отъ него же человѣкъ естественнаго смысла испадетъ, тоже прельщающе глаголютъ: „запелся есть въ книгахъ!“ Если же кто отъ чтенія книгъ узнаетъ истину и вслѣдствіе этого будетъ выдѣляться изъ толпы, то о такомъ говорятъ: „многія ти книги въ неистовство прелагаютъ!“ Но такъ говорятъ темные невѣжды, желающіе и другихъ держать во тьмѣ неразумія. Умственно просвѣщеннымъ же людямъ должно быть извѣстно, что ересь и безнравственная жизнь есть слѣдствіе не чтенія книгъ, а непониманія божественныхъ писаній. „Отъ сего ложна списанія пріемлются и старческія басни и уставы растлѣнныхъ человѣковъ умомъ и лишенныхъ истины“ [2]). Въ другомъ посланіи Артемій такъ разсуждаетъ о значеніи отеческаго преданія, на которомъ такъ любилъ утверждаться религіозный духъ тогдашняго русскаго человѣка. „Полезна же глаголемъ отеческаа преданіа; не просто, но аще твердое основаніе имѣютъ заповѣдей Господнихъ съблюденіе, иже есть истинное церкви Христови украшеніе. Кромѣ же сихъ, яко учатъ насъ божественныя писаніа ни вѣра правая, ни постъ, ни молитва, ни пустынное вселеніе, ниже бдѣніе протяжное, ни телѣсное злостраданіе, ниже церковное видимое многоцѣнное украшеніе, ниже пѣніе великогласное, ниже ино видимое мнимое благочиніе кое, ни долѣ леганіе и, якоже рече

[1]) Отпечатано въ русс. истор. Библ. т. IV, ст. 1383 и др.
[2]) Ibid. ст. 1384.

Павелъ, ни духовная дарованія, ниже самое мучительство— ползовати насъ можетъ, житію сущу растлѣнну. Что бо, рече Господь, зовете мя Господи, Господи и не творите яже азъ глаголю“ [1]). Проникнутый столь свѣтлыми взглядами на сущность и смыслъ христіанскаго вѣро- и нравоученія, игуменъ Артемій оказалъ особенную услугу православной Церкви въ Литовскомъ краѣ, гдѣ онъ провелъ конецъ своей жизни. Здѣсь онъ явился ревностнымъ защитникомъ ученія и постановленій православной Церкви и обличителемъ еретиковъ и протестантовъ. Искренно-вѣрующій, добрый, гуманный, замѣчаетъ объ Артеміи его біографъ, проникнутый ученіемъ Христовымъ и въ то же время человѣкъ просвѣщенный, знавшій Свящ. Писаніе и творенія свв. отцовъ, изучившій современныя ему ереси и неправославныя ученія, равно какъ и прежде бывшія, онъ пользовался большимъ уваженіемъ у православныхъ въ Литвѣ и много содѣйствовалъ своими посланіями защитѣ православнаго ученія“ [2]).

Незабвеннъ долженъ быть для русскаго народа и другой подвижникъ и плодотворный дѣятель на благо и пользу его—преп. Максимъ Грекъ Святогорецъ, одно время проживавшій въ Сергіевомъ монастырѣ при игуменствѣ Артемія. Инокъ Максимъ ярче другихъ освѣтилъ въ своихъ сочиненіяхъ ту страшную бездну, въ которую погружено было въ нравственномъ отношеніи тогдашнее русское общество. Цѣлымъ рядомъ обширныхъ трудовъ и въ нашу духовную литературу Максимъ внесъ совершенно новый элементъ, прежде въ ней неизвѣстный,—элементъ научнаго и многосторонняго образованія. Извѣстно, что единственный идеалъ знанія, къ посильному осуществленію котораго стремился „тщаливый въ наукѣ“ древне-русскій книжникъ, покоился исключительно на Писаніи и Твореніи отцовъ и не допускалъ никакого самостоятельнаго изслѣдованія, никакого свободнаго сужденія не только въ дѣлахъ вѣры, но даже въ вопросахъ, касающихся житейскаго быта; принад-

---

[1]) Ibid. 1399.

[2]) Артемій игуменъ Троицкій. Изслѣд. Свящ. С. Садовскаго, стр. 139.

лежащихъ къ области естественной любознательности и чистому знанію. Для него въ ученіи отцовъ и въ томъ, что носило на себѣ только печать этихъ послѣднихъ, все безъ исключенія было непреложно, свято и истинно. Здѣсь онъ искалъ готоваго отвѣта на всѣ встрѣчающіеся вопросы, отсюда онъ черпалъ запасъ готовыхъ свѣдѣній, которыя только одни должны были служить мѣриломъ и основаніемъ для собственныхъ его взглядовъ и сужденій. Максимъ Грекъ первый явился у насъ съ образованіемъ научнымъ и съ богатымъ запасомъ свѣдѣній не только въ богословскихъ, но и въ свѣтскихъ наукахъ, какія тогда существовали. Можно сказать, что въ лицѣ Максима Грека въ первый разъ проникло-было къ намъ европейское просвѣщеніе и бросило, хотя еще слабые, лучи свои на густой мракъ невѣжества и суевѣрій, облегавшій Россію. Очень естественно, что Максима у насъ скоро поняли какъ человѣка умнаго и ученаго, если къ нему собирались люди книжные, чтобы побесѣдовать съ нимъ „о книжномъ“, къ нему обращались за совѣтами и разрѣшеніями недоумѣній,—если сами іерархи, самъ царь требовали иногда мнѣнія Максима по тѣмъ или другимъ церковнымъ вопросамъ. Пребываніе Максима Грека въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ не осталось безрезультатно. Тотъ духъ критическаго отношенія къ окружающей дѣйствительности и осмысленнаго *пониманія книги*, которымъ отличался Максимъ, сохранялся здѣсь и послѣ его смерти. Извѣстно, что первымъ дѣломъ преподобнаго Максима, по прибытіи его въ Москву, былъ переводъ толкованія на Псалтирь. Занимаясь переводомъ толкованія, Максимъ коснулся и перевода текста Псалтири и мѣстами исправлялъ его. Къ этому вызывала его иногда неточность, иногда неясность прежняго перевода. Съ теченіемъ времени Максимъ внесъ еще болѣе исправленій въ переводъ Псалтири, приближая языкъ ея къ общенародному въ формахъ грамматическихъ и словахъ. Въ то же время Максимъ занимался переводомъ и исправленіемъ и другихъ церковно-богослужебныхъ книгъ. Во время вторичнаго своего пребыванія въ Троицкой Лаврѣ препод. Максимъ занимался переводомъ на русскій языкъ твореній нѣкоторыхъ отцовъ Церкви. Во

все время своихъ книжныхъ занятій на Москвѣ и у Троицы ученый Аѳонскій инокъ не переставалъ при всякомъ удобномъ случаѣ показывать, что наши богослужебныя книги— не книги Церкви православной, а скорѣй писаніе аріанъ или какихъ-либо другихъ еретиковъ. Онъ далъ почувствовать въ своихъ книжныхъ исправленіяхъ русскимъ людямъ неудовлетворительность нашихъ книгъ, пошатнулъ ихъ самообольщеніе относительно абсолютной святости всего русскаго чина, вызвалъ ихъ на нѣкоторое раздумье. Вотъ почему въ скоромъ послѣ столь плодотворной дѣятельности Максима времени на Стоглавомъ соборѣ уже самъ царь докладываетъ, что „божественныя книги писцы пишутъ съ неправильныхъ переводовъ, а написавъ не правятъ-же, отпись къ описи прибываетъ и недописи и точки непрямыя; и по тѣмъ книгамъ въ церквахъ божіихъ чтутъ и поютъ и по нимъ ученики учатся и пишутъ съ нихъ“ [1]). И отцы собора, изъ которыхъ иные, взирая на дѣятельность Максима въ области исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ, держались вѣроятно убѣжденія, что править русскія богослужебныя книги значитъ „творить досаду великимъ чудотворцамъ“, теперь постановляютъ: „приказать протопопамъ и старѣйшимъ священникамъ“, чтобы они просматривали книги въ каждой церкви и, гдѣ найдутъ ихъ испорченными, „тѣ всѣ книги съ добрыхъ переводовъ справливали соборне [2]) и писцамъ велѣли бы „писати съ добрыхъ переводовъ“.

Мысль препод. Максима Грека о неисправности русскихъ церковно-богослужебныхъ книгъ, усвоенныя Стоглавомъ, особенно глубоко воспринята была тамъ, гдѣ препод. Максимъ провелъ послѣдніе свои годы, въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ. Здѣсь она теплилась и сохранялась долгое время послѣ смерти ученаго Святогорца. Въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтій въ Троицкомъ монастырѣ были ревностные сподвижники въ дѣлѣ книжнаго исправленія, старавшіеся *самолично править книги безъ отношенія къ дѣлу исправленія всей Русской Церкви*. Въ монастырѣ, послѣ

---

1) Стоглавъ, изд. Казанское стр. 52 – 53.

2) Ibid. 122 стр.

смерти ученаго грека Максима, постоянно обращали вниманіе на разногласіе въ разныхъ спискахъ церковно-богослужебныхъ книгъ. Любознательный инокъ Арсеній Глухой, „повелѣніемъ и замышленіемъ“ препод. Діонисія писавшій въ монастырѣ „книги съ разныхъ списковъ, тщася“,—по его собственнымъ словамъ,—„обрѣсти правая“, просвѣщенный лаврскій библіотекарь инокъ Антоній „люботрудне разсматривавшій въ книгахъ, по премногу тщательный къ ихъ исправленію и изыскивавшій въ нихъ правое и Богу угодное“,—были, конечно, въ монастырѣ не исключительными личностями. Въ началѣ XVII стол. самъ просвѣщенный архимандритъ монастыря Діонисій, „никогда не отлагавшій, по словамъ его біографа—келаря Сумона, отъ себя бесѣдъ евангельскихъ и апостольскихъ“, заботливо ревновалъ о церковномъ чинѣ и о добромъ строеніи церковныхъ потребъ. Вотъ что пишетъ о препод. Діонисіѣ и его любви къ книжному дѣлу Максима Грека Сумонъ Азарьинъ. „У него во обители первѣе сія книга переведена бысть... іюже Максимъ чудный философъ своею рукою всю исправилъ. До сего же Діонисія въ дому Сергія чудотворца, мало любили Максима грека книгъ... и въ соборѣ въ торжества уставщики не дѣлали имъ чести... о семъ не небреже Діонисій, но повелѣ хорошимъ доброписцемъ написати книги различныя, и идѣже бѣ годно ему, тамо разсылаше въ монастыри многіе, паче же въ соборныя храмы. Сіе же великое море неизслѣдованное словесъ Златоустовыхъ отъ лѣнивыхъ скаредниковъ яко мужа негодная вмѣняшеся; дивнымъ симъ Діонисіемъ къ морю сему великому путь очищенъ бысть всякому чину и возрасту доходити“ [1]).

Что любознательные Троицкіе старцы, послѣ указаній препод. Максима Грека на неисправности въ церковно-богослужебныхъ книгахъ, наблюдали за разногласіями ихъ и даже *занимались сличеніемъ ихъ*, это видно изъ свидѣтельствъ того же Арсенія, который, будучи вызванъ вмѣстѣ съ извѣстнымъ въ исторіи исправленія книгъ Иваномъ Насѣдкою на Москву для книжной справы, въ объясненіе

[1]) Житіе препод. Діонисія 120, 121 стр. Ср. Пр. Соб. 1862, II, 387.

особенной трудности этого дѣла, рисовалъ яркими красками неисправность книгъ, говоря, что „чины и уставы, стихи и молитвы (въ книгахъ) не сходятся и разнятся во многихъ мѣстахъ“. И это не было, такъ сказать, простымъ разсужденіемъ Арсенія, потому что дальше, въ томъ же самомъ свидѣтельствѣ, онъ фактически подтверждаетъ свою мысль, говоря, что *въ одной книгѣ — Потребникѣ* — „едина потреба покаянія, хотя *и въ пятидесяти переводѣхъ*, ино много разнится, также и въ *погребеніяхъ и въ мисловсвященіи*“. Итакъ инокъ Арсеній пересмотрѣлъ до пятидесяти экземпляровъ *однихъ только переводовъ Потребника*, а конечно—по свойственной ему книжной любознательности, онъ *разсматривалъ* и многіе переводы другихъ книгъ. Неудивительно, поэтому, что съ прекращеніемъ смутной эпохи, во время которой поляки, при разореніи церквей, жгли церковныя книги и разорили въ Москвѣ типографію, послѣ возобновленія послѣдней, именно *въ Троицкомъ монастырѣ* было замышлено дѣло о болѣе серьезной постановкѣ изданія и печатанія книгъ. Высшіе чины Московской іерархіи и вообще тѣ лица, которыя, по выраженію современниковъ, особенно должны были бы „болѣть о благочестіи“, т. е. Московскіе архимандриты, протопопы и попы оставались хладнокровными въ столь важномъ дѣлѣ. Историческій *ходъ дѣла* исправленія богослужебныхъ книгъ въ 1616 году *ясно указываетъ* на источникъ, изъ котораго вышло начало этого исправленія, гдѣ оно велось и закончилось. Этимъ источникомъ была обитель Пр. Сергія, въ которой ожилъ теперь духъ препод. Максима Грека. Ту же мысль *краснорѣчиво* подтверждаетъ извѣстная печальная исторія суда надъ Троицкими справщиками, столь невинно пострадавшими во главѣ съ просвѣщеннымъ архимандритомъ Діонисіемъ. Этотъ—*несправедливый* и легшій позорнымъ пятномъ въ исторіи на тогдашнюю Московскую іерархическую знать—*судъ* былъ возбужденъ завистію къ дѣлу Троицкихъ справщиковъ, со стороны Московскаго духовенства, боязнію со стороны послѣдняго потерять свою репутацію въ глазахъ общества. На судѣ надъ архимандритомъ Діонисіемъ эта іерархическая знать Московская ясно показала свою нравственную скудость, когда просила съ Троицкаго архимандрита

500 р., чтобы только потушить дѣло... Но обратимся къ краткому изложенію злополучной исторіи исправленія богослужебныхъ книгъ въ это время.

Троицкій келарь, знаменитый въ исторіи смутнаго времени сподвижникъ архимандрита Діонисія,—Авраамій Палицынъ, имѣвшій сношенія по дѣламъ богатаго уже тогда монастыря съ разными правительственными лицами столицы, прослышалъ о намѣреніи московскихъ властей печатать въ только-что возобновленной типографіи книгу „Потребникъ". Онъ не приминулъ при этомъ высказать отъ себя вынесенную имъ изъ монастыря мысль, что, прежде печатанія, Требникъ необходимо надлежаще исправить. Подсказанная келаремъ мысль въ Москвѣ не была отвергнута, и вотъ 24 октября 1615 г. Авраамій пишетъ изъ Москвы въ свой Троицкій монастырь къ архимандриту Діонисію и казначею Іосифу Нашину „государевымъ словомъ", чтобы тѣ прислали въ Москву старцевъ—Арсенія Глухого и книгохранителя Антонія Крылова „для государева дѣла, что правити книга потребникъ на Москвѣ въ печатное дѣло". Библіотекарь Антоній въ это время былъ боленъ, и, по вызову келаря, изъ монастыря отправился одинъ Арсеній, съ которымъ добровольно поѣхалъ подмонастырскій попъ Иванъ Насѣдка. По пріѣздѣ въ Москву Арсеній и Насѣдка заявили свое желаніе, чтобы дѣло исправленія велось подъ руководствомъ и санкціею архимандрита Діонисія,—при чемъ, въ виду, конечно, того соображенія, что архимандриту не удобно на долгое время отлучаться отъ монастыря,—просили, чтобы и самое веденіе дѣла исправленія происходило у Троицы. Въ царской грамотѣ отъ 8 ноября 1616 г. дѣйствительно было писано: „указали тое книгу потребникъ исправленію вдати тебѣ, богомольцу нашему архимандриту Діонисію, а съ тобою тѣмъ старцамъ, старцу канонархисту Арсенію, да книгохранителю старцу Антонію, да попу Ивану и инымъ духовнымъ и разумичнымъ старцамъ, которые подлинно и достохвально извычны книжному ученію и граматику и риторію умѣютъ". Выборъ такихъ „разумичныхъ" людей, кромѣ указанныхъ въ грамотѣ, предоставлялся на благоусмотрѣніе архимандрита Діонисія. Послѣднимъ, согласно съ грамотою царя, были привлечены къ дѣлу іеродіаконъ

Закхей и библіотекарь Антоній и, вѣроятно, нѣкоторыя другія лица, имена которыхъ въ сохранившихся извѣстіяхъ не упоминаются. Въ царской грамотѣ говорится, что древнихъ списковъ Требниковъ, для сличенія ихъ, Троицкіе исправители могутъ найдти много и въ своей библіотекѣ, потому что „у Живоначальныя Троицы въ Чудотворцевѣ Сергіевѣ обители книгами исполнено", а, кромѣ того, изъ Москвы имъ посылается „три книги Потребниковъ письменныхъ —отъ Пречистыя Богородицы изъ собора книга Кипріана митрополита, да съ патріархова двора изъ казны, да и отъ Зачатія изъ за Соляного ряду". За труднымъ дѣломъ исправленія Троицкіе старцы провели полтора года. „Богъ свидѣтель, пишетъ Арсеній Глухой, безо всякія хитрости сидѣли полтора года день и ночь" [1]). Печальный конецъ исторіи книжнаго исправленія, повлекшій за собою невинное осужденіе Троицкаго архимандрита и его сотрудниковъ, послѣ обвиненія ихъ представителями Московскаго духовенства въ ереси,— достаточно извѣстенъ.

Считаемъ оговориться, что мы намѣренно нѣсколько долѣе позволили себѣ остановиться на исторіи книжнаго исправленія при Діонисіѣ, желая показать, что *это, столь важное и до сегодня въ исторіи Русской Церкви, дѣло всецѣло принадлежитъ просвѣщенной дѣятельности Троицкихъ старцевъ во главѣ съ ихъ ревностнымъ архимандритомъ Діонисіемъ*. Не забудемъ при этомъ, что трудный подвигъ книжнаго исправленія замышленъ и свершенъ былъ трудолюбными и просвѣщенными иноками Сергіева монастыря въ тотъ самый моментъ, когда только-что улеглась смута, въ исторіи прекращенія которой этому монастырю по всей справедливости принадлежитъ первенствующая честь. Смутное время было эпохою, когда нравственное вліяніе Лавры явилось одною изъ силъ, послужившихъ къ возстановленію и оживленію расшатавшейся тогда русской государственности. Это, столь важное въ тогдашней исторіи отечества, вліяніе Лавры, помимо богатаго историческаго преданія, уже въ то время украшавшаго ее величественнымъ ореоломъ, обязано просвѣ-

---

[1]) Рукоп. Троиц. Лавр. Библ. № 700, л. 296.

щенной дѣятельности тогдашнихъ Троицкихъ властей, пониманію послѣдними высокаго значенія патріотическаго долга. Это пониманіе и сознаніе долга сдѣлало то, что въ нѣкоторые моменты смуты самый центръ государственныхъ отправленій, казалось, перенесенъ былъ изъ Москвы—средоточія государственной жизни въ монастырь средоточіе жизни духовной. Въ смиренной келліи согрѣтаго теплымъ чувствомъ патріотизма Троицкаго архимандрита Діонисія и день и ночь въ это время засѣдали „писцы борзіи и доброумніи", занимаясь перепискою составленныхъ преподобнымъ Діонисіемъ патріотическихъ грамотъ и воззваній въ разные города отечества. Не даромъ Симонъ-келарь, описывая труды и подвиги препод. Діонисія въ это время, свидѣтельствуетъ, что, „всякая нощь—день ему бяше" [1]), что „писцы скорые и доброумніи у себя имуще, съ ними же присѣдаяй обнощеваше, писаше грамоты поучительныя и во вся грады посылаяй" [2]). „А въ тѣхъ грамотахъ", по словамъ тогдашняго сподвижника Діонисія—Ивана Насѣдки, соболѣзнованія Діонисіева о всемъ государствѣ Московскомъ безчисленно много, и буде изволите вы, государи, разума его искати, то въ тѣхъ его посланіяхъ не токмо подъ Москвою, но и во многихъ городѣхъ воеводомъ, и всякихъ чиновъ многимъ людемъ подкрѣпленіе мужества отъ его совѣта и разума великое бывало" [3]). Это-то, подкрѣпленное просвѣщеннымъ разумомъ и теплымъ совѣтомъ Троицкаго архиманд. Діонисія и его извѣстныхъ сподвижниковъ—келаря Авраамія, священника Ивана и другихъ,—мужество Русскаго народа и спасло тогда отъ неминуемой гибели „разрухи" разшатавшееся въ своихъ основахъ отечество. „Когда ударили бури смутнаго времени, справедливо говорилъ нашъ извѣстный отечественный историкъ покойный С. М. Соловьевъ, то потрясли и свѣяли много слоевъ, находившихся на поверхности; но когда коснулись основаній общественныхъ, то встрѣтили и людей

---

[1]) Житіе препод. Діонисія, стр. 81.
[2]) Рукоп. М. Д. Акад. № 203, л. 42 обор.
[3]) Житіе пр. Діонисія, 83—84 стр.

основныхъ, о силу которыхъ напоръ ихъ долженъ былъ сокрушиться“ [1]).

Событія смутнаго времени, въ движеніи которыхъ Троице-Сергіевъ монастырь принималъ столь дѣятельное и полезное для отечества участіе, вызвали въ стѣнахъ его, среди иноковъ—писателей, довольно цѣнную для исторіи тогдашняго времени лѣтописную дѣятельность. Первое мѣсто въ ряду писателей-лѣтописцевъ тогдашняго времени принадлежитъ монастырскому келарю Авраамію Палицыну. Имъ написано „Сказаніе объ осадѣ Троицкаго Сергіева монастыря отъ поляковъ и бывшихъ потомъ въ Россіи мятежехъ“. Самъ авторъ объясняетъ намъ нѣсколько разъ причину, побудившую его написать сказаніе. Онъ говоритъ въ заглавіи: „Исторія въ память въ предыдущимъ родомъ, да незабвенны будутъ благодѣянія Божія“, и далѣе—въ самомъ изложеніи: [2]) „Сіе же изъяснихъ писаніемъ на память намъ и предыдущимъ по насъ родомъ да незабвенна будутъ чудеса великихъ свѣтилъ“ и т. д. Въ своей „Исторіи Русскаго самосознанія“ [3]) покойный профессоръ Кояловичъ справедливо замѣчаетъ, что Сказаніе Палицына есть самое выдающееся прагматическое произведеніе Русской исторической литературы XVII в. „Здѣсь мы видимъ, говоритъ Кояловичъ, цѣльное изображеніе историческаго движенія Русской жизни отъ начала и до конца смутнаго времени; видимъ въ авторѣ ясное народное сознаніе и сознаніе значенія для будущаго времени его труда; наконецъ видимъ твердые пріемы изложенія, давно вырабатывавшіеся на Руси, особенно въ житіяхъ XVI в.“ По своему цѣльному представленію событій описываемой эпохи, сравнительному глубокомыслію автора, оживленному и характеристичному изображенію эпизодовъ смутнаго времени, краснорѣчивому слогу и своеобразному языку—книга Палицына одна изъ лучшихъ начала XVII в. Въ ней виденъ авторъ начитанный, поэтически настроенный и восторженный, тонко понимавшій лица и обстоятельства

---

[1]) Истор. Россіи, т. VIII, стр. 448.

[2]) Въ предисловіи къ VII гл. Сказанія.

[3]) Стр. 83.

своего времени, можетъ быть—черезчуръ гнѣвный обличитель нравовъ описываемой эпохи, благоговѣйно созерцающій въ естественныхъ фактахъ пути промыслительной дѣятельности Божіей, хотя и не чуждый недостатковъ своего времени [1]).

Къ событіямъ и лицамъ смуты обращается и біографъ препод. Діонисія ученикъ его, келарь Троицкаго монастыря Сумонъ Азарьинъ. Благодаря тому, что келарь Сумонъ жилъ въ Троицкомъ монастырѣ среди людей, не только видѣвшихъ смутную эпоху, но и вліявшихъ во время Московскаго раззоренія на общественное мнѣніе страны, его разсказы о смутѣ получаютъ большое значеніе, хотя и были записаны уже въ половинѣ XVII в. Сумонъ Азарьинъ—едва ли не самый выдающійся писатель своего времени и страстный любитель книжной образованности. Кромѣ самаго большого и главнаго труда —Житія препод. Діонисія, къ исторіи происхожденія и критическому анализу котораго мы, конечно, ничего не можемъ прибавить отъ себя послѣ спеціально изслѣдовавшихъ этотъ трудъ Сумона ученыхъ—Ключевскаго, Потапова и отчасти автора книги о препод. Діонисіѣ Зобниновскомъ г. Скворцова,—келарь Сумонъ написалъ нѣсколько другихъ сочиненій: а) „Канонъ молебенъ препод. Діонисію архимандриту Троицкаго Сергіева монастыря—ему же краестранесіе сицево: мольбу ти приношу Діонисіе Преподобне"; б) „Чудеса новоявленныя Препод. Сергія числомъ 77" (послѣднее относится къ 1653 г.). Имъ предпослано длинное предисловіе .в) „Повѣсть о разореніи Московскаго государства и всея россійскія земли, како, отчего и откуду начало извода тѣхъ бѣдъ и напастей",—сочиненіе, имѣющее цѣлью оправдать поводы къ войнѣ Россіи съ Польшею въ 1654 г. (Находится въ сборникѣ библіотеки М. Д. Академіи №17 (203). Изданно А. В. Поповымъ въ Чтеніяхъ Император. Общества исторіи и древностей Росс. 1881 т. II. г.) „Выписки изъ Святецъ, иже съ лѣтописцемъ помѣсячно, о праздникахъ Господскихъ и Богородичныхъ, ихже благодатію Божіею во Святѣй Россіи празднуются, сверхъ греческихъ уставовъ, и колико св. Преподобныхъ отецъ и мучениковъ

---

1) Русск. Архивъ, 523 стр. 1886 г.

и благовѣрныхъ князей Христу Богу угодиша въ добромъ житіи и подвизѣхъ, иже на Руси празднества имъ сотворяютъ и на молитву призываютъ". Составлено послѣ 1652 г.,—въ Сборникѣ М. Д. Академіи № 17 (203). Во всѣхъ этихъ трудахъ виденъ любитель книжности и человѣкъ начитанный. Но еще къ чести Сумона должно быть отнесено и то, что онъ собралъ и оставилъ послѣ себя въ даръ Троицкому монастырю, какъ мы уже имѣли случай упоминать о томъ, очень богатую библіотеку.

Блестящій рядъ Троицкихъ иноковъ-писателей заканчивается въ второй половинѣ XVII в. литературною дѣятельностію знаменитаго въ исторіи просвѣщенія троицкаго инока этого времени Арсенія Суханова, бывшаго,—хотя и очень не долгое время,—келаремъ монастыря и окончившаго затѣмъ здѣсь же у Троицы и свое земное поприще 14 Августа 1668 г. Въ прошедшемъ году свѣтлая личность Арсенія Суханова нашла, наконецъ, *достойнаго* историка. Въ капитальномъ трудѣ г. Бѣлокурова, составленномъ большею частію на основаніи *совсѣмъ неизвѣстныхъ* ранѣе историческихъ матеріаловъ, мы пользуемся въ настоящее время образцовою біографіею Суханова; здѣсь же приведены историческія данныя о самомъ главномъ сочиненіи келара Арсенія—его Проскинитаріѣ, въ которомъ онъ описалъ свое посольство на Востокъ 1649—1653 г., какъ равно и о другихъ до нынѣ извѣстныхъ твореніяхъ Арсенія. Труды Суханова изданы Императорскимъ Палестинскимъ Обществомъ въ 1889 г. подъ редакціею Н. И. Ивановскаго. Спутникъ Арсенія Суханова въ его путешествіи по Востоку, Троицкій іеродіаконъ *Іона Маленькой* также описалъ намъ свое „хожденіе въ Царь-градъ и Іерусалимъ въ 1648—1652 г.", изданное въ памятникахъ Общества древней письменности въ 1882 г. Въ вышепомянутой біографіи Суханова можно найдти достаточно свѣдѣній и объ этомъ трудѣ іеродіакона Іоны.

Такъ иноки-писатели проходятъ непрерывною чередою черезъ весь древнѣйшій періодъ исторической жизни Троице-Сергіевой Лавры и оставляютъ по себѣ своими трудами свѣтлую память не только въ самомъ монастырѣ, но и во всемъ русскомъ обществѣ. Они являлись представителями и

носителями образованія переживаемаго ими времени и своими литературными трудами, въ такой или иной мѣрѣ несомнѣнно вліяли на ходъ и развитіе общерусскаго образованія. Литературныя творенія ихъ, имѣя весьма большее значеніе въ прошлой исторической жизни русскаго народа, остаются драгоцѣнными историческими памятниками и до настоящихъ дней.

За древній періодъ исторической жизни монастыря мы совсѣмъ не встрѣчаемъ указаній на то, чтобы онъ строилъ школы. Но школами были тогда тѣ монастыри, которые основывала Лавра и изъ которыхъ выходили многіе подвижники, горячіе ревнители просвѣщенія. Извѣстно, что уже самъ Преподобный Сергій, послѣ двухъ своихъ монастырей—Троицкаго и Киржачскаго, основалъ еще нѣсколько чужихъ монастырей по порученіямъ и просьбамъ различныхъ болѣе или менѣе близко соприкасавшихся съ нимъ во время его земной жизни лицъ. Главнымъ и непремѣннымъ условіемъ устрояемыхъ имъ обителей Преподобный считалъ общежитіе. Одновременно съ нимъ, отчасти съ его одобренія, а отчасти и благословенія, или уже послѣ его смерти, построили значительное количество монастырей, одинаковыхъ съ его монастыремъ, его ученики и собесѣдники. И довольно долгое время послѣ него, говоритъ въ своемъ, только—что вышедшемъ въ свѣтъ къ торжеству пятьсотлѣтія со дня блаженнаго преставленія Преподобнаго Сергія трудѣ [1]) историкъ Голубинскій, истинными монастырями считались въ Московской Руси только монастыри его образца (типа), такъ что послѣдующіе основатели монастырей, желавшіе, чтобы ихъ монастыри были и считались настоящими монастырями, устрояли ихъ по этому его (Преподобнаго) образцу. Одни же изъ учениковъ Преподобнаго были основателями монастырей, находившихся въ болѣе или менѣе близкомъ разстояніи отъ обители Сергія—въ Москвѣ или окружныхъ городахъ и мѣстностяхъ, а другіе удалялись напротивъ въ самыя непроходимыя дебри сѣвера и оттуда свѣтили міру дивными подвигами, и распространяли вѣру Христову между

---

[1]) Преподобный Сергій Радонежскій и созданная имъ Троицкая Лавра, стр. 53.

полудикимъ населеніемъ. Этими монастырями повсюду водворено было монашество Сергіева вида во всей восточной половинѣ тогдашней сѣверной Руси, которую составляли нынѣшнія губерніи—Московская, Владимірская, Нижегородская, Костромская, Ярославская и Тверская. Скоро было перенесено монашество Сергіево изъ восточной половины Руси и въ западную половину тогдашней сѣверной Руси. Ученики препод. Евфросина Псковскаго, вышедшаго изъ Снѣтогорскаго Псковскаго монастыря, въ которомъ еще въ 1382 г. пріѣзжавшій тогда въ Псковъ Суздальскій архіепископъ Діонисій ввелъ общежитіе по примѣру Сергіева монастыря,—были насадителями пустынно-общинножитія вообще въ области Псковской. А изъ монастыря Соловецкаго, въ которомъ началоположникомъ монашескаго обитанія былъ препод. Савватій, вышедшій изъ общежитнаго Кириллобѣлозерскаго монастыря, распространялось пустынно-общинножитіе по всему Поморью, составляющему нынѣшнюю губернію Архангельскую, изъ котораго въ свою очередь распространялось по всему Пріонежью и вообще по всей нынѣшней губерніи Олонецкой.

Такимъ образомъ вся средняя и сѣверная половина Русскаго государства, при жизни и вскорѣ послѣ смерти родоначальника и отца сѣверно-русскаго монашества—Препод. Сергія, усѣяна была общежитными монастырями, образцомъ для устройства которыхъ послужилъ монастырь Троице-Сергіевъ. Устроя монастыри по образцу Троицкаго, ихъ первоосновательи старались уже при самомъ началѣ ихъ устройства на самомъ дѣлѣ осуществить въ нихъ всѣ правила или требованія древнѣйшихъ законоположеній Восточ. Церкви относительно общежитныхъ монастырей. А эти древнѣйшія законоположенія о занятіяхъ монаховъ въ свободное отъ церковныхъ богослуженій время между прочимъ требуютъ, чтобы монахи занимались молитвою, рукодѣліемъ и чтеніемъ святыхъ книгъ, т. е. отеческихъ твореній. Такъ по новеллѣ Юстиніана у монаховъ должно быть два занятія: чтеніе божественныхъ писаній и приличествующія монахамъ рукодѣлія. Монастырь Студійскій при препод. Ѳеодорѣ и нѣкоторое время послѣ него былъ въ большей или меньшей мѣрѣ

даже монастыремъ нарочито ученымъ, часть братства котораго нарочито посвящала себя наукамъ [1]). Мы имѣли случай указывать на то, насколько заботились, какъ самъ Препод. Сергій, такъ и ближайшіе его преемники по степени игуменства, объ осуществленіи на дѣлѣ этихъ древнихъ положеній въ своей обители. Согласно съ ихъ требованіями они очень рано наполнили обитель весьма цѣннымъ книжнымъ богатствомъ. Само собою понятно, что это требованіе древнѣйшихъ законоположеній Восточной или Греческой Церкви выставлялось, какъ мы говоримъ, однимъ изъ основныхъ и существенныхъ правилъ и при устройствѣ всѣхъ общежительныхъ монастырей, бравшихъ себѣ за образецъ монастырь Сергіевъ. Каждый изъ основателей или игуменовъ такихъ монастырей долженъ былъ заботиться, и дѣйствительно заботился, уже при самомъ устройствѣ своихъ монастырей, по примѣру Троицкихъ игуменовъ, о пріобрѣтеніи и объ изготовленіи четіихъ книгъ или о составленіи монастырскихъ библіотекъ такихъ книгъ. И дѣйствительно, мы видимъ, что въ то время, когда образованность остальнаго русскаго общества стояла на низкой степени, въ монастыряхъ сѣверовосточныхъ книжное дѣло велось систематическимъ порядкомъ, такъ какъ тамъ чтеніе и списываніе книгъ составляли обязанность каждаго. Св. Стефанъ Пермскій собственноручно списалъ много книгъ. Въ числѣ келейныхъ занятій Кирилла Бѣлозерскаго и Іосифа Волоколамскаго, какъ мы знаемъ, было списываніе книгъ. Германъ Соловецкій, будучи самъ не книженъ, поручалъ списываніе другимъ и собиралъ книги. Знаменитая и первая изъ монастырскихъ по своимъ книжнымъ богатствамъ Соловецкая библіотека обязана своимъ происхожденіемъ тамошнему монаху Досиѳею (конца XV в.), который на собираніе книгъ посвятилъ всю свою жизнь. Живя случайно въ Новгородѣ, онъ пріискивалъ писцовъ и оттуда посылалъ книги въ Соловецкій монастырь. Безъ сомнѣнія, также заботились о развитіи книжнаго дѣла и пріобрѣтеніи книгъ и во всѣхъ остальныхъ монастыряхъ, заимствовавшихъ строй своей жизни изъ монастыря Сергіева. При достаточности

---

1) Голубинскій. Исторія Русской Церкви, т. I, 2 пол. стр. 609 и др.

необходимаго историческаго матеріала,—и конечно не въ предѣлахъ журнальной статьи—было бы въ высшей степени любопытно и интересно прослѣдить за постепеннымъ развитіемъ и процвѣтаніемъ книжнаго дѣла въ монастыряхъ сѣверовосточной Руси XIV—XVII столѣтій. Этотъ не легкій кропотливый трудъ помогъ бы многое уяснить и не въ одной только исторіи древнерусской образованости. Онъ пролилъ бы болѣе или менѣе яркіе лучи свѣта и на многія другія стороны исторической жизни русскаго народа. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ источники древнерусской образованности, монастыри естественно сдѣлались регулирующими центрами въ общественной жизни сѣверо-восточной Руси. Въ ихъ стѣнахъ заключалась почти вся книжная дѣятельность, и потому не удивительно, что и самой умственной жизни общества былъ данъ монастырскій колоритъ, что образовательное вліяніе монастырей давало преобладаніе въ обществѣ религіозному строю жизни. Такъ, полагая съ молитвою на устахъ и крестомъ въ рукахъ основаніе обителямъ въ темныхъ лѣсахъ и дебряхъ, среди финскихъ поселеній, монахи своими подвигами стягивали разрозненное населеніе, своими порядками обучали ихъ правильнымъ формамъ гражданственности и своими книгами вносили въ нихъ свѣтъ христіанской истины. Тѣ же изъ монаховъ, которые чувствовали себя способными быть учителями, очень нерѣдко уже и въ то стародавнее время посвящали себя дѣлу народнаго учительства въ прямомъ смыслѣ этого слова. Время отъ времени у насъ появлялись грамотные и начитанные монахи, исполненные усердія и ревности поучать. Еще и до настоящаго времени нерѣдко по монастырямъ русскимъ встрѣчаются типичные представители этихъ учительныхъ монаховъ; они даютъ возможность наглядно составить себѣ понятіе объ ихъ древнихъ и старыхъ предшественникахъ. Является въ какомъ-нибудь монастырѣ учительный благочестивый старецъ, распространяется о немъ слухъ, и народъ изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ начинаетъ стекаться къ нему толпами, а его келья превращается въ непрестанно полную аудиторію. Какъ есть въ настоящее время, такъ было и въ древнее. Способные къ учительству

монахи смотрѣли на него, какъ на свою прямую обязанность, и стремились упражняться въ немъ по мѣрѣ силъ со всѣмъ усердіемъ. Въ житіяхъ святыхъ подвижниковъ древней Руси можно находить многочисленные примѣры такого народнаго учительства.

Изложенный нами краткій историческій очеркъ просвѣтительной дѣятельности Троице-Сергіевой Лавры говоритъ за то, что небезплодно было въ прошедшій пятисотлѣтній періодъ, въ ряду другихъ служеній, и служеніе ея на пользу просвѣщенія Церкви и отечества. По завѣту своего первооснователя, Преподобнаго Сергія, Лавра постоянно уважала просвѣщеніе, пріобрѣтая разносторонними путями книги и оберегая ихъ въ своей книгохранилкѣ, снабжая ими всѣхъ жаждущихъ знаній и просвѣщенія, давая у себя пріютъ во все время своего пятьсотлѣтняго существованія замѣчательнымъ личностямъ, видѣвшимъ въ образованіи великую историческую силу, своимъ примѣромъ и указаніемъ содѣйствовавшихъ такъ или иначе развитію любознательности и придававшихъ образовательное значеніе монастырю; — открывая школы—монастыри въ другихъ мѣстахъ и, наконецъ, выставляя изъ среды своихъ братій блистательный рядъ иноковъ-писателей, оставившихъ по себѣ память въ исторіи русскаго просвѣщенія капитальными историческими трудами. Обитель Преподобнаго Сергія явилась, такимъ образомъ, крупнымъ культурно-историческимъ центромъ на сѣверовостокѣ Руси, широкимъ разсадникомъ свѣта и знаній въ предѣлахъ Московской Руси. Съ тѣхъ поръ, какъ пустынный сѣверъ этой Руси огласился хвалебною пѣснію Богу Всевѣдущему въ смиренной келліи Радонежскаго подвижника, Преподобнаго Сергія, здѣсь и затеплился здѣсь и лучезарный свѣтъ грамотности, просвѣщенія, науки, шире и шире разгоравшійся съ временемъ. И, что особенно важно, это не была грамотность исключительно внѣшняго характера: чрезъ весь прошедшій пятисотлѣтній періодъ исторической жизни Лавры, мы видимъ, проходитъ въ ея стѣнахъ длинный рядъ просвѣщенныхъ личностей, уважавшихъ свѣтъ знанія, видѣвшихъ въ образованіи великую нравственную силу, вливавшихъ свѣтлую струю и въ самый монастырь и

въ дѣло русскаго образованія. Имена Епифанія Премудраго, Пахомія Логофета, игумена Артемія, митрополита Іосафа, въ особенности Максима Грека и преподобнаго Діонисія, наконецъ Сумона Азарьина и Арсенія Суханова едва-ли когда могутъ забыться въ исторіи отечественнаго просвѣщенія, какъ имена лицъ, высоко державшихъ образовательное знамя среди невѣдующаго знаній порядка жизни. Наконецъ, тотъ высокій патріотическій подвигъ, который оказала Лавра Преподобнаго Сергія въ смутное время, ничѣмъ инымъ можетъ быть объясняемъ, какъ глубокимъ сознаніемъ нравственнаго долга служенія отечеству, которое въ свою очередь явилось плодомъ просвѣтительной подготовки обители. Благодаря этой подготовкѣ, — тому, что Лавра Сергія не оскудѣвала просвѣщеніемъ въ древнее время, въ свой прошлый пятисотлѣтній періодъ исторической жизни, въ ея стѣнахъ выросли въ XVIII столѣтіи на подготовленной уже почвѣ и школьныя учрежденія—сначала Семинарія, а потомъ Академія, возникшія въ цѣляхъ систематическаго богословскаго образованія и развитія православной богословской науки. И нынѣ ярко горятъ въ стѣнахъ Троицкой Лавры златоглавые куполы храмовъ Божіихъ, неумолкаемо и звучно прославляется въ нихъ день и ночь имя Господне, не угасаетъ здѣсь, по молитвамъ угодника, и лучезарный свѣтъ знанія и науки, возженный нѣкогда въ лѣсистыхъ дебряхъ Радонежа первыми основателями святой обители.